

**АНАСТАСИЯ
СЕРГЕЕВНА
ВАСИЛЬЕВА**

НОВОГОДНИЙ СЮРПРИЗ

Анастасия Сергеевна Васильева

Новогодний сюрприз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67730409

Аннотация

Гриша Заметайкин – парень не промах! Успешная работа в Москве, красавица-жена, любовница – секретарша – все складывается наилучшим образом. Но под Новый год, судьба преподносит ему сюрприз, который переворачивает его налаженную жизнь с ног на голову. Гриша возвращается в деревню Скорынево, где его никто не ждет, кроме покосившейся родительской избышки.

НОВОГОДНИЙ СЮРПРИЗ

Глава 1 Увольнение

– Ну что, все понял, Гриша?

– Да понял, – тяжело вздыхая, отвечал Григорий Заметайкин, – Лев Палыч, ну как я накануне Нового года, людям такую новость сообщу?

– Гриш, оставь свои нежности для дома, для семьи! Не можем мы в регионах сократить по одному сотруднику, а в Москве оставить. В общем, проворачивай это как хочешь, но чтоб до конца года на одну штатную единицу стало меньше. Да, ну и с наступающим тебя, конечно! Жене привет! – сказал весело Потапов и бросил трубку.

– Спаси... – монотонные гудки били в правый висок, – ну, дела! – откидываясь на спинку кожаного кресла, подумал Гриша.

С фотографии в изящной резной рамке на Заметайкина лукаво смотрела раскрасневшаяся кудрявая нимфа с золотыми волосами. Гриша повертел рамку в руках, – Франция, Швейцария? Уж и не вспомню, где я так удачно Анжелку запечатлил. А, один хрен, Альпы!

Рамка со звоном ударилась о стол, погребая под собой физиономию жены.

За окном валил настоящий пушистый снег, такой ред-

кий в последние годы, накануне праздников. Вот бы сейчас рвануть куда-нибудь загород! Беззаботно прокатиться по замерзшему пруду, потом, со всего размаха в снег бухнуться и ангелов рисовать руками, с Милкиных ресниц снежинки сдувать и тишина, звенящая вокруг! – мечтательно думал Заметайкин, глядя на танец серебристо-белой пыли за окном высотки, в центре Москвы.

– Собери-ка всех в переговорной – нажав на селекторную кнопку весело проговорил Гриша секретарше.

Неожиданное решение так удачно пришло в голову Заметайкину, что он уже и думать забыл о неприятном утреннем разговоре с генеральным.

– Сейчас по-быстрому все разрулим! И как это я раньше до этого не додумался? – довольно потирал руки Григорий и уже предвкушал, как после переговорной побежит выбирать подарок Милуше, конечно же под предлогом важной встречи с клиентом.

Новогодняя суета охватила всех без исключения, по офису сновали курьеры то привозящие нарядные пакеты с звенящими бутылками внутри, то увозящие, не менее нарядные, коробки с логотипом компании. В переговорной стоял дым коромыслом.

– Предлагаю добавить в кофе что-нибудь погорячее пока Гришаня не видит – подмигнул Леха, доставая из подарочного пакета пузатую бутылку с бронзовым отливом, – все равно, вечером на корпоративе, доберем.

– VS? Ну и скряги, больше скидку им не даем! – разочарованно присвистнул Миша, покрутив бутылку в руках и передавая ее обратно Лехе.

– В кофеек пойдет! Тебе налить?

– Давай, пускай по кругу!

– Мне нельзя, я за рулем! – противилась Олеся.

– Да ладно тебе, до вечера выветрится, а настроение останется!

– Ну что, все готовы к корпоративу? – на пороге стоял довольный Гриша в дорогом сером костюме и улыбался.

– Да! – закричали на перебой сотрудники, – всегда готовы!

– Отлично, ух, ребятки, зажжем! Не хотел до вечера раскрывать всех секретов, – заговорщицки подмигнул Гриша, – но обстоятельства сложились таким образом, что петь и танцевать мы сегодня будем под самого Лекса!

– Под живого? Да ладно! – оторопело переглянулись Миша с Лехой и заголосили хором, – «Только фужер виски на окне, буря воеет за бугром...». Олеся с Катей и секретаршей Милой радостно захлопали в ладоши.

– Ну тихо, тихо, вечером споем все вместе, – успокаивая сотрудников, проговорил Гриша, а сейчас послушайте меня внимательно, приказ от генерального – сократить одного человека. Простите, ребят, но я тут бессилён.

Веселье живо улетучилось, а под столом забулькала, выскользнувшая из рук Лехи, бутылка коньяка. Гриша нагнулся, на бежевом ковре растекалось темное пятно.

– Об этом мы позже поговорим, – спешно процедил сквозь зубы Заметайкин, – я сейчас убегаю на срочную встречу с клиентом, а вас попрошу в письменном виде представить мне свои соображения по поводу кандидатуры, с объяснениями причин, конечно же. Ну, удачи! – и Гриша вылетел из переговорной как черт из табакерки.

– Это что шутка такая новогодняя? – пробасил Леха, не своим голосом.

В кармане Гришиного пальто вибрировал мобильный, а он довольный, что так лихо переложил всю ответственность с себя на чужие плечи, прогуливался по Столешникову переулку, утопающему в новогодних гирляндах, заходил то в один магазин, то в другой, придирчиво выбирая подарок для своей любовницы.

– Гриша, милый, как же так? – послышался мурлыкающий шепот в трубке.

– Не бери в голову, тебе не о чем беспокоиться, пока ты со мной. – проговорил Гриша загадочно, – лучше обдумывай как будешь благодарить меня после корпоратива.

По лицу Милы поползла улыбка, – а где ты сейчас?

– На встрече с важным клиентом, я же сказал.

– А почему я слышу музыку? – томно спросила секретарша.

– Потому что любопытной варваре на базаре нос оторвали, – засмеявшись проговорил Заметайкин, – Милуш, не порть сюр....

Беглый взгляд скользнул по фасаду ресторана и зацепился за парочку, сидевшую в углу у окна. Гриша онемел, телефон выскользнул из рук, ударился о брусчатку и по стеклу поползла трещина.

– Алло, алло, зайчонок, ты там? Алоооооо!!!!

Тем временем, ошарашенные сотрудники разбредались по своим рабочим местам, от бурного веселья не осталось и следа.

Олеся плюхнулась на стул и разрыдалась.

– Меня точно уволят! – причитала она, – а у меня развод, ипотека и двое детей! Мне практически 43 года, куда я устроюсь?

– Олесь, да ты чего? Тебя-то за что? – подбежала к ней Мила и начала утешать подругу, – скорее уж Леху.

Леха выкатил глаза, – а меня за что?

– Тебе напомнить, как пару месяцев назад ты выпрыгнул из шкафа и напугал деловых партнеров, и, если б не Олеся, не видать нам того контракта как своих ушей.

– Откуда я знал, что там итальянцы приехали? Мы с Мишкой решили Катюху разыграть. А ты такая довольная, думаешь тебя это не коснется, раз ты с Гришей шуры-муры крутишь?

Мила покраснела.

– Попридержи язык, а то я и это напишу, и еще добавлю, что ты бумагу из принтера регулярно воруеть. Как думаешь, положительно отражается твое поведение на имидже компа-

нии? Семьи у тебя нет, детей тоже, живешь один в свое удовольствие.

Леха недовольно отвернулся, махнув своей длинной челкой.

– Пойдем перекурим, Мишань.

Как только за ними закрылась дверь, Катя подлетела к Олесе с Милой.

– Мила, на тебя вся надежда! Предлагаю объединиться против Лешки. На него компромата больше можно насобирать, а Миша парень нормальный, да у него и ребенок маленький, жалко его, а этот обалдуй, только и знает, что бухать, да шутки свои идиотские шутить.

– Да, Мил, Катя права, поговори с Гришей – поддакивала, вытирая слезы, Олеся, – все-таки у вас отношения. А мы, если надо, всегда прикроем, ты же знаешь, что на нас можно положиться.

Так женским коллективом было принято единогласное решение описать Лешкины пороки, за все три года его пребывания в строительной компании «ТрастинГодбатИнвест», не скупясь на детали.

– Мих, надо чего-то придумать! Эти стервы сейчас объединятся с Милкой, та Гришане в постели споеет свою лебединую песню и один из нас с вещами на выход.

– А я-то что могу сделать? – недоумевал Миша, – у меня вообще ребенок только родился, жена в декрете, мне без работы никак нельзя.

– Против Милки, он не пойдет, это и ежу понятно, против Олеси, скорее всего тоже, она Милкина подруга, у нас остается только один вариант – Катя. – рассуждал деловито Леха.

– И какие у тебя аргументы против Кати? Хорошая девчонка, работу свою делает добросовестно, ни разу не подвела. – развел руками Миша.

– Молодая, после института, опыта нет, навыков общения с клиентами тоже, на испытательном сроке, чем тебе не аргументы? – пыжился изо всех сил Леша.

– Слабовато, но рискнуть можно.

– А что нам еще остается? – гася сигарету, процедил недовольно Леша.

В укромном уголке модного ресторана сидела с виду обычная парочка. Лысый мужчина лет пятидесяти пяти, одетый не броско, но элегантно, нежно держал за руку девушку с копной золотистых кудряшек, рассыпавшихся по плечам. Скромная подвеска «Жопард» украшала ее тонкую шею, падая в глубокое декольте. Розовощекая нимфа весело смеялась над шутками то и дело, поднося к губам бокал с шампанским. Гриша продолжал стоять в оцепенении у окна.

– Нет, не может быть, все это какая-то глупая нелепость! Это сон, да, да, мне все это снится! – не верил своим глазам Заметайкин.

Он не слышал шуток, над которыми так аппетитно смеялась его жена Анжела. В голове пролетела мысль, – в какой же момент она перестала так смеяться над моими шутками?

Лев Палыч достал из кармана красную бархатную коробочку и протянул ее своей спутнице. Анжела с беззвучным восторгом захлопала в ладоши, потянулась к Потапову и поцеловала его в губы.

Гришин кулак со всей силой хватил непробиваемое стекло ресторана. Рыжеволосая нимфа вздрогнула и оторвавшись от Льва Палыча, с испугом посмотрела в окно. Потапов весело подмигнул Грише и нежно чмокнул Анжелину ручку с алыми ноготками.

Не помня себя от злости, Гриша бросился прочь, изуродованный мобильный не переставал вибрировать в кармане. На экране мигала надпись «Женушка». Гриша остановился, тяжело дыша, и поднес телефон к уху.

– Ты идиот, Заметайкин! – раздался в трубке разъяренный голос, – я подаю на развод!

Удивлению Гриши не было предела, он ожидал извинений, слезной мольбы о прощении, все что угодно, но только не этого.

– Я спала с Потаповым, чтоб тебя, деревенщина, на хорошую должность устроить! А ты и это про.....

Не дослушав до конца, Гриша швырнул телефон со всей силы об асфальт.

Больше в офисе компании «ТрастинГодбатИнвест» его никто не видел.

Глава 2 Утро красит нежным светом..

Туманная дымка мягко стелилась над зеркальной гладью озера, изредка нарушаемой лишь плеском мелкой рыбешки. Бусинки холодной росы набухали на травинках, вдалеке пестрели люпиновые поля. С новенькой, бревенчатой фермы то и дело доносилось протяжное мычание коров, утренняя дойка была в самом разгаре. От стойла к стойлу деловито прохаживался в распахнутом белом халате крепкий мужчина лет сорока трех и раздавал указания, угодить ему было не просто.

– Зинаида Петровна, вы вымя, перед тем как доить, помыли?

– Конечно, что ж я совсем дикая что ли, Григорий Алексеевич? – обиженно потупилась доярка.

– Насухо обтерли?

– Как иначе-то? – еле слышно процедила Зинаида Петровна.

– Вот у вас и надо спросить «как иначе-то?» – передразнил Григорий доярку, – молоко-то не идет! Только корову мне мучаете! А ну отойдите!

Протиснувшись к мычавшей буренке с бездонными глазами, Гриша присел на скамейку, снял доильный аппарат и начал обмывать вымя. Старательно ополоснув его со всех сторон, обтер пушистым полотенцем, осмотрел и снова протер. Закончив с успокоившейся коровой, принялся за аппарат, руки ловко перебирали один за другим доильные стаканы,

промывали, обтирали, продували.

– Вот дотошный-то! – шепнула на ухо Зинаида Петровна доярке Любе.

– Говорят, большой начальник был в Москве, – показывая пальцем куда-то вверх, многозначительно выдала Люба, в иностранной компании, с таким названием, что и не выразишь, «Гад траст да и даст», что-то типа этого.

– Такой большой, что докатился до нашей глуши? – приснула Зинаида Петровна.

– Жена, стерва оказалась, с любовником застучал, прям накануне Нового года – продолжала нашептывать Люба.

– Да ты что?

– Да все они там в Москве, проститутки-то! Поехал за красивой жизнью, ну вот и получил. Тонкой души человек, не выдержал такого удара, бросил все, да и вернулся домой, в деревню.

– Куда вернулся? – переспросила Зинаида Петровна.

– Вы глухая что ли? Сюда, говорю, вернулся домой к себе, в деревню! Николаевны, Царствие ей небесное, сына, Гришку, помните? Конопатый такой бегал, все в носу ковырял.

– Помню – Зинаида Петровна прошептала растерянно.

– Ну вот, доковырялся – собственной персоной – выпалила, улыбаясь Люба.

– Да не может быть! – ахнула, прикрыв рот рукой, Зинаида, – так он же...

– Зинаида Петровна, – резкий оклик оборвал затянувшу-

юся беседу доярка, – Вы к нам на работу, когда поступили?

– Так третьего числа сего месяца – пробормотала доярка.

– Ну так вот если вы до третьего числа следующего месяца обращаться с доильным аппаратом не научитесь, то нам придется с вами попрощаться. – деловито произнес Григорий, – к каждой буренке нужен особый подход, за ушком ей почесать, спросить хорошо ли она спала, успокоить ее, вымя осмотреть, помыть, обтереть, затем доильные стаканы продуть, прочистить, а уж потом только тыкать. Это вам не печати на бумажки шлепать в сельсовете! Где менеджер стада?

– Так на станцию поехал, новые поступления коров принимать – ответила Люба.

– Проведите еще раз инструктаж по использованию доильного аппарата, у меня десятков коров голштино-фризской породы везут из Нидерландов, чтоб вы мне их всех тут уморили?

– А наши-то буренки вас чем не устраивают? – просто-душно спросила Люба.

– Наши дают молоко для производства твердых сортов сыра, а молоко голштино-фризской породы коров используют для производства моцареллы. Расширять ассортимент продукции будем! – на последней фразе лицо Гриши расплылось в улыбке, а в глазах появился мечтательный блеск, – «Моцарелла от Заметайкина!» – как? звучит?

– Звучит, звучит – поддакнула Зинаида Петровна.

– Или «Ни в Лацио, ни в Сицилии не найти такой моца-

реллы как в Скорынево. Сыроварня Заметайкина – Бежецкий район, Тверская область», а?

– А кто это такие-то «Кацио» и «Сисилия»? – переспросила Зинаида Петровна.

– Эх! – безнадежно махнул рукой Гриша и пошел прочь.

– Жениться ему надо! – проговорила Зинаида Петровна, – от того и злой как черт.

– Завязал, говорят, с женщинами. Знаете, тут сколько желающих-то, было? Такой жених завидный! – проговорила грустно вздыхая, Люба.

– Да не уж-то с мужиками путается? – ахнула Зинаида Петровна.

– Что вы? Весь в работе, как три года назад приехал. По началу пил не просыхая месяц, а потом как отрезало, в «зожники» подался и ферму начал строить, деньжонок-то видно не мало в Москве заработал, раз такую отгрохал.

– А зожники-то это кто? Сектанты что ли?

– Идите- ка лучше сюда, Зинаида Петровна, будем заново осваивать технику доения, пока вас и тут на пенсию не отправили.

Завершив утренний обход своей фермы, Гриша обычно отправлялся на ближайшее озеро, окунуться в прохладную воду, подумать в тишине о делах сыроварни. Бросив одежду на деревянных мостках, он с разбега нырнул в темную воду, проплыв метров десять, высунул голову на поверхность и жадно задышал.

– Эх, как же все-таки хорошо в деревне! – подумал он и поплыл брассом свои привычные два километра. Вода освежала, смывала беспокойные мысли, давала возможность побыть наедине с самим собой, ведь это так сложно было сделать в течение дня, когда каждый что-то хотел от Гриши и не успел он проплыть и половины назначенного маршрута, как услышал голос, доносящийся с берега.

– Григорий Ляксеич! Григорий Ляксееееееич! – махал руками, привлекая внимание, Пахомов Максим Ильич, бывший тракторист, а ныне доверенное лицо и менеджер стада Заметайкинской фермы.

– И сюда добрались, – подумал Гриша, – а в ответ махнул ему рукой, мол сиди жди, сейчас подплыву.

Пахомов уселся на мостки и стал терпеливо ждать.

– Ну что опять стряслось? Ты же знаешь, Максим Ильич, что, когда я плаваю, меня не беспокоить. – проговорил недовольно Заметайкин.

– Да я б и рад не беспокоить, но как, посуди сам, Григорий Ляксеич? Поехал я встречать новых коров, что ты за бугром заказывал, начал осмотр, а одна из них красно-пестрая, а должны быть все черно-пестрые. Что прикажешь делать? По документам они все голштинские, а на деле, выходит, что не все. Говорил тебе, предупреждал, не связывайся с басурманами, да ты разве послушаешь?

– Ладно, ладно, не горячись Максим Ильич, все правильно, они разного цвета бывают, только с красно-пестрой на-

дой гораздо меньше, правда жирность молока больше, ничего, будем разбираться – вытираясь махровым полотенцем пробормотал Гриша. И этот день не сулил никакого спокойствия.

На пригорке у фермы Гриша заметил не только скотовоз с новоприбывшими коровами, но и белоснежный порш, да еще и с московскими номерами. Неприятно кольнуло иголкой в душе.

– Максим Ильич, белая машина с вами приехала? – спросил с надеждой Гриша.

– Нет, Григорий Ляксеич, я на своем Лендкрузизере один сопровождал скотовоз. Не знаю чья, незнакомая какая-то.

Беспокойство нарастало и не безосновательно. Обогнув длинную фуру он с ужасом узнал знакомую фигуру с копной рыжих кудряшек, вылезавшую из порша. На лице сияла белоснежная улыбка, сползающая по мере того, как огромные шпильки ее туфель проваливались в грунт.

– Здравствуй, муженек! – раскрывая руки для объятий проговорила Анжела Заметайкина, – ну и вонища тут у тебя!

– Мдааа, – вздохнул Гриша, – вот так денек выдался! – думал, что с одной красно-пестрой коровой придется разбираться, а выходит, что с двумя.

– Что же ты не рад меня видеть, Гришуня? Я такой длинный путь проделала! Все-таки не чужие друг другу люди. Иди сюда, обними меня скорее!

– Как ты меня нашла? – не двигаясь с места произнес Гриша.

– Это было не сложно, ты же знаешь, если я чего-то очень хочу, то всегда этого добиваюсь, – подмигнула Анжела, – ну перестань дуться, иди сюда.

– Спустись по дороге вниз и подожди меня в доме, я закончу дела и поговорим. – и Гриша торопливо скрылся в дверях фермы.

– Фу, какой бука! – хмыкнула Анжела и неуклюже поковыляла к избушке на своих высоченных каблуках. Не пройдя и трех шагов, ее правая нога резко подкосилась и она, не удержав равновесия, полетела на землю. Острый каблук провалился в одну из кротовых нор, которыми была изрыта дорога к дому. Анжела в бешенстве скинула туфли и поспешила занять вертикальное положение, в надежде, что никто не заметил ее досадного падения. Отряхнув колени, босяком зашлепала к крыльцу и скрылась внутри дома.

Глава 3 Что случилось с Потаповым?

Избушка была старая, доставшаяся Грише от родителей. Мать, Аграфена Николаевна, школьная учительница, скончалась через пару лет, после того, как Гриша уехал покорять Москву. Очень уж любила единственного сына, отговаривала его как могла, но разве молодой, горячий Гриша слушал ее? Ему казалось, что достоин он гораздо большего, чем

тратить в пустую свои лучшие годы в деревне. Отец, Алексей Григорьевич местный агроном, страстно любил землю, широту русских полей, богатство лесов. Но, как потом оказалось, болел не только природой, а еще и горькой. Так увлекся настойками самогона на разных ягодах, да травках, что додегустрировался до белой горячки. Когда Гриша вернулся в родную деревню Скорынево, что в Тверской области, на крыльце родного дома его никто не встречал, ставни были заколочены старыми гнилыми досками, а на двери висел ржавый амбарный замок.

Ох как горько было сорокалетнему Грише осознавать, что никого у него не осталось, ни родителей, к которым он все обещал заскочить, да навестить, а получилось, что заскочил только на похороны. Ни семьи, ни детей, одна радость, что денег хоть успел нахватать, пока продвигался по карьерной лестнице, да и то еле вывел их с общих с Анжелкой счетов, когда она с Потаповым на Мальдивах грелась. Так ферму и отгрохал, а в дом жалко было вкладывать, одному и в родительском покосившемся гнезде хорошо жилось.

В сенях было темно, пахло сгнившими досками и сырым подполом, Анжела съежилась и поспешила дальше. Тугая дверь с пружиной, никак не хотела поддаваться, словно выросла в поплывший от старости каркас. Потом со скрипом отворилась и как только Анжела вошла внутрь с грохотом захлопнулась за ней. Пестрые ковровые дорожки устилали де-

ревянные полы с облупившейся краской. Анжела провела рукой по шершавой штукатурке русской печи, холодной как лед, да и чего можно было ожидать в июле-то? На широких подоконниках буйным цветом пылала герань, Анжела потеряла в руке бархатный листок и поднеся к носу жадно вдохнула с детства знакомый аромат. – Господи, как будто у бабушки Дуни очутилась в деревне, – подумала она. И все было такое чистенькое, уютное, хоть и старое, чувствовалась женская рука в Гришином доме. Анжела неприятно поморщилась.

– Ну так чем обязан? – строгий Гришин голос прозвучал как гром среди ясного неба. Он проследовал к круглому дубовому столу и усевшись на стул с вышитой крестиком подушкой, стал внимательно разглядывать Анжелу. Он не видел ее три года и ни разу не разговаривал с ней с того самого злополучного предновогоднего дня. – Похорошела, стерва, – отметил он про себя.

– А у тебя тут уютно, – улыбнулась Анжела, поглаживая рукой кружевную скатерть и присаживаясь напротив Гриши.

– Ты без Потапова? – решил съязвить Заметайкин.

Анжела удивленно взглянула на Гришу, – как? Ты разве ничего не знаешь?

– А что я должен знать?

– Лев Палыч погиб полгода назад, – грустно произнесла Анжела, – в лифте.

– Соболезную.

– Через год как ты уехал, Потапов ушел из компании и

Господи! – тараторил Потапов, обливаясь слезами, так сильно не хотелось ему покидать этот бренный мир.

Небеса разверзлись огненной молнией, на миг лик Христа озарился снова и Потапову показалось, что Христос грозит ему пальцем, а потом все поглотила тьма.

– Лев Палыч, что с вами? Лев Палыч, вам плохо? – суе-
тилась вокруг лежащего на полу Потапова, секретарша Лидочка.

Лев Палыч начинал приходить в себя, в затылок отдавала нестерпимая боль, перед глазами все плыло, он пытался что-то сказать, но словно свежевыловленный карп, лишь открывал и закрывал рот, не издавая ни звука.

Лидочка помогла ему подняться с пола и усадила на диван.

– Я сейчас воды принесу – крикнула секретарша и выбежала из кабинета.

За окном бушевала метель, ветер носил с неистовой силой по городу снежную пыль. Потапов вздрогнул. Память потихоньку начинала возвращаться. Вчера компания Иннокентия Липковского, его старого друга, выиграла тендер на крупный госзаказ, но без участия Потапова и они с Кешей это славно отметили. Потапов провел пальцем по стеклу журнального столика, так и есть – белый порошок.

– Завязывать надо! – подумал про себя Лев Палыч, – а то не бог весть что начинает мерещиться.

– Выпейте водички! – забегая в кабинет, протараторила

секретарша, – может, скорою вызвать?

– Все в порядке, Лидочка, заработался вчера, вот организм и дал сбой, проговорил, улыбаясь чиновник, – ну, что у нас там сегодня по плану?

– в 12:30 у вас встреча с главой округа, в 14:00 обед с иностранной делегацией в «La Mariée», в 17:20 – пресс конференция. Тут еще такой вопрос, замялась Лидочка, – звонила директор детского дома в Воскресенске, просила о личной встрече с вами, говорит, что помощь очень нужна, детский дом в аварийном состоянии, а местные власти никак не реагируют, куда она только не обращалась, говорит, что на вас последняя надежда.

– Да, конечно, назначьте ей, ну скажем на 18:30, после конференции я ее приму. Спасибо, Лидочка, вы свободны.

Отобедав вкусно в «La Mariée» дальневосточными устрицами, шампанским и черной икрой, проведя блестяще пресс-конференцию, Лев Палыч, усталый, но довольный вернулся в свой кабинет. Голова уже не болела, а ночное видение казалось не чем иным, как просто приснившимся кошмаром.

– Левик, дорогой! – раздался знакомый голос в трубке, – весь день не могу тебя поймать, ты что прячешься от меня что ли?

– Дела, Кеш, дела, чиновником быть – это тебе не двор метлой мести!

– Ну – ну, не прибедняйся! Слушай, я ж тебя вчера так и

не отблагодарил, подъезжай к 18:30, мы сегодня празднуем в «Сахалине», там и порешаем все.

В голове у Потапова пронеслось ночное видение, он вздрогнул, помотал головой и отогнал его прочь.

– Лидочка, перенесите-ка встречу с директрисой детского дома на завтра.

– Лев Палыч, дело в том, что она уже в приемной, вас дожидается – прошептала в трубку секретарша.

Чиновник посмотрел на часы, 18:10. Можно было б принять ее на десять минут и спровадить восвояси, – размышлял про себя Потапов, – а потом подумал, что тогда опоздает к началу празднования в «Сахалин».

– Лидия Петровна, выполняйте мои распоряжения, меня ни для кого сегодня больше нет! – сказал чиновник и повесил трубку.

Лев Палыч зашел в лифт, нажал на кнопку и поехал вниз в предвкушении очередного веселого вечера. – Надо Анжелке позвонить, пусть тоже подъезжает, выгуляет свое новое платье, – подумал с улыбкой он и потянулся в карман за телефоном. Неожиданно лифт остановился между этажами и свет в кабинке погас, по спине у Потапова пробежал холодок. Одно мгновение и в полной темноте кабина лифта полетела вниз, ускоряясь на ходу. Только слабый луч света как вспышка молнии просачивался снизу, когда лифт пролетал мимо очередного этажа. А последнее, что запомнил в своей жизни Лев Палыч был лик Христа, грозящий ему пальцем.

– Сочувствую, – проговорил Гриша, – но я так и не понял, от меня-то тебе что нужно?

Глава 4. «Пусть никто не спит»

– Гришенька, возвращайся обратно, ты погорячился, я погорячилась – с кем не бывает? – осторожно начала Анжела, – все-таки мы восемь лет прожили вместе, вспомни, как нам хорошо было. Я тебя как увидела там у фермы, так сразу поняла, что все эти годы любила только тебя. – и мадам Заметайкина пустила скупую слезу в подтверждение своих слов.

Гриша поперхнулся, потом начал кашлять, а затем и вовсе разразился безудержным смехом.

– Ты думаешь, что я совсем идиот что ли? – прохрипел он, – ох, Анжелка, плохая из тебя актриса, правильно тебя в ГИТИС не приняли, ни с первого, ни с пятого раза, даже деньги твоего отца не помогли.

– Грубо, Гришенька, – скорчив гримасу прошипела Анжела, – я к тебе со всей душой, с распростертыми объятиями, буквально. Готова забыть, все твои темные делишки.

– Это какие еще темные делишки? Ты на что намекаешь?

– А на то, что у тебя самого рыльце в пуху! Ты думаешь я не знаю, что ты с секретаршей путался и не просто от случая к случаю, а постоянно. Про то, что деньги фирмы прикарманивал, а уж как ты вывел наши сбережения с общего счета,

я вообще молчу.

– Секретаршу не трожь, она тут ни при чем!

– Да уж, конечно ни при чем! Еще как при чем! Милочка – Милуша, тьфу, вспоминать противно! А ты думаешь она с тобой спала за красивые глаза? Или за твой высокий IQ? За бабки, которые вы с ней вместе и тырили!

– Ну вот, что, звезда, – свирепая бросил Гриша, поднимаясь со стула, – дуй-ка ты отсюда по добру, по здорову, пока я еще держу себя в руках и сделаем вид, что этой встречи не было.

– Ты мне угрожаешь?

– Прошу вежливо, заметь, покинуть помещение!

В комнате повисла гнетущая пауза, Анжела спешно прокручивала разные ходы, выбранная тактика не работала. И тут в голове блеснула новая идея. Зачем попрекать былым, когда можно надавить на счастливые воспоминания!

– Давай начнем сначала, с чистого листа, вот как будто ничего и не было. Я готова все забыть. Ну, оступилась, с кем не бывает, Потапов мне голову заморочил, закидал дорогими подарками, я и растаяла.

– Тебе моих подарков мало что ли было?

– Приелось как-то все, остыло, а тут конфетно-букетный период, романтика, а ты на работе пропадал с утра до ночи, – тихо проговорила Анжела, – злость откуда-то появилась, вроде и не делали друг другу ничего плохого, а раздражало так, что сдержаться не было сил. Ругались из-за лю-

бой мелочи, слово за слово и не остановить, да так что казалось все, красная черта, нет возврата уже, одно непонимание. Вспомни, ведь последнее время уже даже не разговаривали друг с другом, каждый жил своей жизнью, так для общества играли роль счастливой семьи.

Анжела продолжала свою исповедь, а Гриша вдруг подумал, что вот сейчас она наконец-то искренне говорит, пропала та наигранная фальшь из ее слов.

– Помнишь, как мы путешествовали по Америке, когда только поженились? – затараторила она, – пришли в Метрополитен оперу в трениках?

– Помню – с улыбкой проговорил Гриша. Он закрыл глаза и картинка заснеженного Нью-Йорка полетели одна за другой в его памяти.

Январский вечер утопал в морозной дымке, наперебой гудели нетерпеливые такси. Огромная очередь из желтых, пузатых фордов, словно анаконда, только проглотившая свою добычу, заполонила Central Park South, обвила мертвой петлей 59 Street Columbus Circle и поползла медленно по Broadway. Внутри этой гигантской анаконды переваривались Анжела с Гришей, разглядывая в запотевшее окно то мелькающие фигурки людей на катке в Центральном парке, то гудящий муравейник большого города. Время тянулось ужасно медленно. Счастливые, но разбитые этим бесконечным днем, восьмичасовой разницей во времени, ночным переле-

том и посещением всех возможных магазинов центральной части Нью-Йорка, Гриша с Анжелой безмолвно сидели на заднем сидении такси. Голова у Анжелы раскалывалась, ноги гудели, а до начала «Турандот» в Метрополитен-опера оставалось сорок минут.

– Гриш, мы не успеем, пойдем пешком, тут осталось буквально пару километров. – предложила Анжела.

– Я не могу встать, у меня нет сил, ну зачем ты взяла билеты на первый же вечер? Неужели нельзя было оставить это «важное» событие на конец поездки? – умирающим голосом проговорил Заметайкин, – и вообще, мне твои оперы уже поперек горла стоят! Сколько можно? Мало того, что в Большой меня таскаешь два раза в месяц, так я еще и на отдыхе должен мучиться? Ну не люблю я их, можешь ты понять или нет?

– Мы обсуждали это уже тысячу раз, все остальные дни идет балет, а я не люблю балет, ты же знаешь.

– А я не люблю ни то, ни другое и ты это тоже прекрасно знаешь. И вообще, мне надо в аптеку, голова трещит.

– Аптеку найдем на обратном пути, надо поторопиться, еще успеем в буфет, от бокала шампанского вся твоя головная боль вмиг улетучится, – подмигнула Анжела. Расплатившись с водителем, они вылезли из такси.

Линкольн центр, с подсвечивающимся фонтаном, пятиэтажным зданием Метрополитен-Опера, таким современным и не похожим на Большой театр, встретил их толпой эле-

гантно одетых людей. Изысканные женщины в вечерних платьях, шубках, боа, с переливающимися клатчами, грациозно цокали каблучками своих модных туфель из последних коллекций Маноло Бланник, Джимми Чу и еще одному богу известно каких именитых дизайнеров. Кавалеры щеголяли, кто смокингом с бабочкой, кто просто элегантным костюмом, неизменным атрибутом и тех, и других была белоснежная рубашка. Конечно, среди них проскакивала и публика попроще, но это были единицы, скорее всего с галерки.

Анжела с Гришей в замешательстве переглянулись. Мысль о вечернем дресскоде почему-то не пришла в голову ни одному, ни другому. Анжела куталась в фиолетовый пуховик, переминаясь с одной стертой в кровь ноги на другую. Марш бросок до Линкольн центра в новых уггах на босу ногу сделал свое коварное дело. Оба были в джинсах, но если Гриша нацепил хотя бы простой черный свитер, то во всю грудь Анжелиной кофты, большими розовыми буквами, красовалась надпись «LOVE».

Они невольно сравнивали Метрополитен-оперу с Большим театром и сходились в едином мнении, что наш-то, масштабнее и красивее. Чего стоит гигантская хрустальная люстра, а золотые орнаменты, а шикарный узорчатый занавес с бахромой?! Вся эта императорская роскошь, вот уж куда в джинсах-то точно непростительно заявиться. А тут элегантная простота, потолок словно сотканный из массивных золотых чешуек и несколько крошечных светильников на

длинных тросах, по форме напоминающих вид молекулы коронавируса под микроскопом. Шелковый занавес, расшитый золотыми нитками, тоже сильно не впечатлил, а вот кресла, конечно не в пример нашим стульям, да еще и с встроенным экраном с титрами – это было удобно и необычно. Они поспешили занять свои места в третьем ряду партера и как только персонал с ксилофонами в руках созвал публику, своими мелодичными звуками, свет погас, занавес разъехался и грянул оркестр.

Первый акт был великолепен, многообразие костюмов и декораций просто поражало. Необычайный колорит Поднебесной империи, танцующие львы и драконы, пагоды древнего Китая, восточные веера с причудливыми узорами, кимоно с многометровыми шлейфами и роскошными национальными головными уборами, а уж про музыку Джакомо Пуччини и говорить нечего. Это был восторг, унесший прочь их усталость и головную боль. В первом антракте Гриша с Анжелой бурно обсуждали за бокалом шампанского, увиденное и опять же сравнивали с постановками в Большом театре, а больше сравнивать им пока было не с чем. К концу второго акта энтузиазм Анжелы стал потихоньку улетучиваться, не смотря на продолжающийся накал страстей на сцене. И даже, когда занавес с домом министров Пинг, Панг и Пунг уехал вверх, а перед глазами зрителей остался роскошный Императорский дворец во всю глубину сцены и по залу прокатилась волна восхищенных охов, глаза Анжелы продолжили

слипаться с невероятной силой и немудрено, ведь в Москве было уже около пяти часов утра. Гриша периодически толкал жену локтем в бок, выдергивая из лап Морфея, но ее веки продолжали предательски ползти вниз.

– Не спи, на тебя люди оглядываются – прошептал Гриша ей на ухо, – мало того, что мы в такой одежде, так ты еще и дрыхнешь!

Судя по всему, у него открылось второе дыхание. Ведь отнытья в такси, бесконечных упреков и жалоб не осталось и следа. К удивлению Анжелы, Гриша даже не поглядывал на часы, в надежде, что их стрелки вдруг закрутятся с удвоенной силой и вся эта вакханалия закончится. Они как будто поменялись местами.

– Я больше не могу – шептала Анжела в ответ, – давай уйдем в антракте, пожалуйста, бог с ней с этой оперой.

– Мы заплатили шестьсот баксов за билеты, сидим до конца – отрезал Гриша, хитро подмигнув жене, – тем более, что мне очень даже нравится!

– Да мне тоже нравится, но я ничего не могу с собой поделать – засыпаю – ныла Анжела.

– Меньше надо было по магазинам шляться!

Со второго ряда на них грозно сверкнула глазами чопорная пара преклонного возраста и Анжела, смутившись и, собрав всю свою волю в кулак, попыталась снова сконцентрироваться на сюжете, который надо заметить, не был таким уж убаюкивающим, а наоборот, очень даже кровожадным. Это-

му действию не было ни конца, ни края.

В очередном антракте они бродили по вестибюлю и разглядывали фрески Шагала. Гриша восхищался «Триумфом музыки».

– Ты посмотри какая сочность красок, какая экспрессия! Это же гениально!

Анжела ползла за ним с кислой миной, умоляя бросить все и вернуться в отель, но Гриша был непреклонен.

У Анжелы промелькнула мысль – Уж, не решился ли он отомстить мне за четырехчасового «Бориса Годунова» в Большом театре, таким образом? Буквально накануне поездки, она рассказывала ему историю, как одна ее подруга, заядлая театралка, сделала мужу подарок на день рождения, купив билеты на спектакль «Улисс», который шел ни много, ни мало, а пять с половиной часов и как бедный муж, после тяжелого рабочего дня, весь измучился и под финал заявил, что ноги его больше не будет ни в одном театре и, что такого дня рождения он ей вовек не забудет.

Они тогда весело посмеялись над этой историей, но сейчас Анжеле было совсем не до смеха.

Начался третий мучительный акт, дирижер словно улитка еле полз к своему рабочему месту, потом долго кланялся, листал ноты, оглядывал своих подопечных из оркестра, от чего у Анжелы уже начинал дергаться глаз. На сцене царилась ночь, в зале – непроглядная тьма. Попробуй не усни в такой обстановке? И вот, когда Калаф, сидя на лестнице, в

этой крошечной мгле, озаряемой лишь редкими звездочками, запел ее любимейшую партию «Nessun Dorma» («Пусть никто не спит»), начинающуюся очень медленно и лирично, словно колыбельная, Анжела провалилась в сон окончательно, так и не услышав легендарного, такого мощного и обожаемого ею окончания этой партии, зато, в образовавшейся секундной паузе, зал услышал:

– Хрррррррррррр

– Проснись, ты что с ума сошла? Ты храпишь на весь зал! – толкнул ее в бок Гриша.

– Я не сплю – промычала Анжела и снова провалилась в глубочайший сон, упав головой ему на плечо.

Все, что она помнила из третьего акта – это самое его начало, проснулась же Анжела под несмолкающие аплодисменты, крики браво и закрывающийся занавес.

В ту ночь они еще долго бродили по Нью-Йорку, а Гриша в красках и с невероятным энтузиазмом рассказывал ей события третьего акта, утверждая, что именно этот акт и был вишенкой на торте всей оперы. Ну а любимая партия Анжелы «Пусть никто не спит» сыграла с ней в итоге злую шутку, которую Гриша вспоминал ей и по сей день, при любом удобном случае...

– Да, точно, – тихо проговорил Гриша, открывая глаза. – Хорошее было время, есть, что вспомнить!

Глава 5. Неожиданное знакомство

Анжела как хитрая лисица потихонечку подбиралась к Грише, бросая ему то одно счастливое воспоминание из их совместной жизни, то другое, а Заметайкин таял на глазах. Он так долго запихивал былое подальше, гасил каждую попытку несанкционированного всплытия подобных воспоминаний в памяти, что вдруг этот поток ностальгии прорвался и хлынул ниагарским водопадом наружу.

Она уже обвила одной рукой его шею и стала что-то нежно нашептывать на ухо, как вдруг раздался грохот, оба в испуге повернулись к входной двери. На пороге стояла массивная старуха, лет семидесяти пяти с миской свежих яиц, ее седые волосы беспорядочно выбивались из-под цветастой косынки, а выражение лица было настолько суровое, что по спине у Анжелы побежал холодок.

– Ах ты проститутка московская, – крикнула старуха, – совсем стыд потеряла!

– Простите, мы разве знакомы? – испуганно пролепетала мадам Заметайкина.

– Да я с тобой не то, что знакомиться, на одном поле не сяду. Шалава кучерявая, распушила свои ржавые кудри, а ну отойди от Гриши, пока я тебе синяков не наставила под глазами твоими бесстыжими. – крикнула громогласно она.

Анжела попятилась назад.

– А ты, что стоишь рот раззявил? – обратилась старуха к

Грише, – Эта змея тебя уже обвила кольцами своими, а ты и уши развесил, разве, что только слюни не пустил. Ах ты, шалава! – и разъяренная женщина, вытаскивая по одному яйцу из эмалированной миски, начала метать их в Анжелу.

– Гриша, кто это? Что она от меня хочет? – визжала Анжела, размазывая жидкое содержимое яиц, попавших прямо в цель.

Заметайкин ловко уворачивался, заливаясь смехом. Позволив старухе опустошить содержимое посуды, подлетел к ней и начал успокаивать.

– Баба Нюра, да ты что, взбесилась что ли? Посмотри, что натворила? Кто это теперь убирать все будет?

– Проститутка твоя и будет! И пока не уберет, я ее из этой комнаты не выпущу, уж будь спокоен. – и она со всего размаха так жახнула железной плоской о дубовый стол, что Гриша с Анжелой одновременно вздрогнули.

– Я у Малаховского давеча смотрела, такая же прошмандовка – от горшка, три вершка, зато каблучищи, что копыта у жирафа, округила порядочного мужика, работающего, прям как ты, Гришенька, все деньги с его счетов снимала, да и укатила с любовником за бугор. Вот так вот, а он ни с чем остался! Там эти денежки его промотала, любовник ее конечно же бросил, а она брюхатая заявила к нему обратно, прощения просить! Решила с ним переспать, чтоб ребеночка своего от чужого мужика, пристроить, а потом, еще выяснилось, что она и с братом его спала, и с дядькой. Гони ее в

шею! – никак не могла успокоиться Баба Нюра, – и главное, вторая за неделю! То три года никого не было, пусто – хоть шаром покати, а то как мухи полетались, да что там мухи? Это ж бычьи слепни, Гришенька, всю кровь из тебя высосут и опять ни с чем оставят, одумайся!

– Я что-то не поняла, а вторая кто? – переводя изумленный взгляд с Гриши на Бабу Нюру спросила удивленно Ангела.

Гриша про себя молился, чтоб Пахомов срочно вызвал его на ферму, эти женские разборки начинали приобретать опасный характер, тем более, что яичной атаки ему чудом удалось избежать, дважды так за день повезет вряд ли.

– Ой, мы ее тут всем селом Долгоносиком прозвали, – захохотала смачно Баба Нюра, усаживаясь на стул. И, старушка начала показывать на себе размеры носа той второй, которой так заинтересовалась Ангела, но вдруг стушевалась, перекрестилась на образа, висящие в углу, – Господи, прости душу грешную, на себе ж показывать нельзя! А то вдруг такой же вырастет, как хоронить-то будут? В гроб не влезу! – и она снова залилась веселым смехом. По ходу этого монолога, настроение ее явно улучшалось.

– Как козичка на каблуках прискакала, в дом влетела, все щебетала, щебетала, увивалась вокруг Гришеньки, это он малахольный, сказки ваши слушает, а у меня не забалуешься, я ваши истории заранее знаю, сама молодой женщиной была когда-то. Весь ее Луи Пардон разукрасила такими же

вот яйцами, ох она визжала, как ужаленная. До самой машины ее провожала, – и тут вдруг веселье сошло с лица Бабы Нюры, – это сколько ж я яиц на вас, проституток, перевела за неделю?! – и она схватилась за сердце.

– Анжела, там в шкафу на верхней полке «Валокордин», накапай скорее тридцать капель. Пойдем, Баб Нюр, на воздух, – и воспользовавшись удобным случаем, Гриша поспешил вывести старушку из дома.

– Я из ее рук пить ничего не буду, – крикнула из сеней Баба Нюра, – отравит меня, никто за тебя не заступится!

Анжела стояла в замешательстве, как угодно она представляла себе эту встречу, но даже в самом страшном сне не могла и вообразить такого приема. Волосы слиплись от засыхающих яиц, ладони чесались от уже присохшей корки, а под ногами хрустела раздавленная скорлупа.

– Неужели Милка меня опередила? Носатая-то это точно она, больше некому. Я бы знала, если б там еще кто-то маячил на горизонте. Вот стерва хитрая! И когда она только успела? – одна за другой проносились мысли в голове у Анжелы, – что ж мне так не везет-то в последнее время?

День клонился к закату, дотошная мошкара роилась у оконных рам в поисках живительного света, а солнце, огненным шаром садилось за горизонт озерной глади. Анжела стояла и любовалась в окно этим непривычным для нее пейзажем. Руки невольно катали яичную пленку и стряхивали на пол. Жизнь ее за полгода перевернулась с ног на голову.

Несчастный случай с Потаповым, попытка навести мосты с его закадычным другом, Инокентием Липковским, провалилась с треском – Кеша любил жену и ставить под угрозу свое семейное счастье ради интрижки с Анжелой наотрез отказался. Деньги таяли на глазах. Львиную долю средств Гриша уже давно вывел с их общего счета, но она так рассчитывала на доходы Льва Палыча, что поначалу просто махнула на это досадное недоразумение рукой. А тут бывшая жена и дети Потапова прикарманили все его наследство, и Анжела осталась с носом, только подаренные ювелирные изделия имели хоть какую-то ценность, да и те она практически все продала. Последним спасательным плотом, удаляющим ее от берегов нищей жизни, был Гриша, все еще ее муж.

– Эх, хорошо, что мы тогда сразу улетели слевой на Мальдивы и я так и не дошла до ЗАГСА, как чувствовала, что надо подождать с разводом. А Заметайкин молодец, не пошел ко дну, вон как развернулся, ферма у него, ларьки с молочной продукцией, этот нигде не пропадет, не смотри, что из деревни, а палец в рот не клади!

– Анжел, пойдем, я тебе покажу где у меня тут душ, а то ты вся в яичной скорлупе – улыбаясь проговорил Гриша, с полотенцем в руках.

– Кто эта женщина?

– Да ты не обижайся, это Баба Нюра, тетка моя – сестра матери. По дому помогает, она хоть и в преклонных годах уже, а я без нее как без рук.

– Да я уж заметила, страшная женщина, я думала она меня убьет.

– Ну это ты махнула. Она с виду такая грозная, а на самом деле – золотой человек!

– Гриш, можно я сегодня у тебя останусь? Стемнело уже, а до Москвы прилично добираться. Я что-нибудь на ужин приготовлю, посидим, вспомним былые времена. У меня там в машине бутылочка красного, твоего любимого.

– Ты давно готовить-то начала? На сколько я помню, ты либо в ресторанах питалась, либо доставку заказывала – ухмыльнулся Заметайкин.

– Скажешь тоже! А как же завтраки в постель, а на Новый год, помнишь у нас компания собиралась?

– Это когда от твоего оливье очередь в туалет была длиннее чем в мавзолей в советские годы? – подколот Гриша.

– Ну знаешь ли, Заметайкин, – недовольно фыркнула Анжела, на тебя не угодишь!

– Зато ты жене Метелкина тогда угодила, помнишь, Толян напился еще до боя курантов, закусил твоим оливье и прочистился так, что в Новый год вошел свежим как огурчик.

Анжела не выдержала и тоже рассмеялась. – Гришка, что ж мы семью-то такую просрали? Ты посмотри сколько у нас счастливых моментов было!

– Иди мойся – только и сказал ей в ответ Гриша.

Глава 6 Тяжелые думы

Романтического вечера не получилось, как Анжела не старалась. В самый неподходящий момент опять заявила Баба Нюра, только уже с клюкой и компрессом на голове и сопровождала ее ночевать в свою избушку на другом конце деревни. Поток нравоучений лился полночи, жесткая раскладушка с периодически подгибающейся ножкой делала обстановку невыносимой. Баба Нюра то бранила ее, да и в целом весь женский род, то заливалась смехом, вспоминая свою молодость. Когда измученная Анжела начинала проваливаться в сон, крепкий удар кулаком в стену выдергивал ее из сладких объятий Морфея и возвращал обратно. – Вот старая ведьма, думала про себя Анжела, – как чувствует, что начинаю засыпать. Она уткнулась лицом в простыню, и водрузила на голову подушку, чтоб хоть как-то приглушить этот нескончаемый поток слов. И тут она услышала:

– Пашка-то мой, паразит, загулял с дояркой из колхоза, ничем отвадить не могла, да еще и запил. А в соседней деревне, потомственная знахарка жила, Авдотья, наши бабы боялись ее как огня, а что мне делать оставалось? Все перепробовала, на нее последняя надежда была.

Анжела стянула с головы подушку и усевшись на раскладушке поудобнее стала внимательно слушать, что же было дальше.

– Пришла я значит к ней, сама вся трясусь, ног не чувствую, так боязно.

И тут новый удар кулака грохнул в стену, так что Анжела вздрогнула.

– Ты слушаешь что ли? Чего затихла?– донеслось из соседней комнаты.

– Слушаю, слушаю, очень интересно, Баб Ньюр.

– Какая я тебе Баба Ньюра? Мне такой внучки гулящей не надобно. Для тебя я Анна Николаевна! Ну так вот, стоим мы с ней в сенях темных, а по углам веники какие-то пахучие висят, лапки тонкие с копытцами, травы разложены, да такие, что я сроду не видала, хоть в деревне и выросла, но мы таких не собирали никогда, а по бокам все полки, полки, а на них какие-то склянки, банки. Жуть!

– Ну и как, помогла?

– В первый раз-то ничего не сделала, только посмотрела на меня пристально глазищами своими огромными, меня аж до мурашек пробрало. И говорит мне: – На полную луну принеси сюда мужнино исподнее, только ношенное обязательно, три волоса с его макушки, два ногтя – с ноги и с руки, и курицу пожирнее.

– Ну я все сделала как она сказала, хочешь верь, хочешь нет, но через неделю как отрезало – и пить бросил, и свою доярку колхозную, в семью вернулся, правда, как мужчина никакой стал, но важно ж, что помогло!

Кобелей-то этих в деревне пруд пруди, а чтоб еще и человек был хороший- днем с огнем не сыщешь! Мой-то Пашка такой был, хоть и кобель.

– А знахарка-то эта жива еще, Баб Н. ..., ой, Анна Николаевна? – слышался Анжелин голос.

– Да черт ее знает. Из деревни той, кто помер, кто уехал, может и жива, она считай меня лет на пять старше была. У соседки моей, Ларионовны надо спросить, она все искала к кому обратиться, чтоб выяснить внуки-то у нее родные, аль нагулянные, тоже про Авдотью интересовалась, может чего и выяснила. А тебе зачем? На Гришеньку моего порчу навести хочешь? Только попробуй, я тебя прокляну, похлеще знахарки.

– Я в ваших способностях и не сомневалась. Не для себя интересуюсь, у подруги дочери сестры моей матери, муж пропал, вот думала, а вдруг поможет.

– Довели мужика! Не мудрено, что и сбежал. Но, учти, я тебя предупредила!

– Я Гришеньку люблю, Анна Николаевна, всем сердцем и вы мне, за эти полдня как родная бабушка стали.

– Дураков у себя в Москве ищи!

– У меня ведь тоже бабушка в деревне была когда-то, Баба Маша, я к ней каждое лето на каникулы приезжала. Добрая такая, прям как вы, заботливая, переживала за меня, как и вы за Гришеньку, а оладушки как готовила, пальчики оближешь. А однажды случай был смешно.

Из соседней комнаты донесся храп, вперемешку с похрюкиванием, оборвав Анжелу на полуслове. Она молча лежала на подушке, разглядывала узоры на потолке и думала, что же

делать дальше, ее сон как рукой сняло.

В ту ночь не спалось и Грише, мысли роились в голове как вечерняя мошкара вокруг фонаря. Как-то все так неожиданно закрутилось. Три года, а как будто вчера произошло. Неожиданное появление Милы, теперь вот Анжела. Он только почувствовал себя счастливым, дела фермы встали на поток, какая-никакая прибыль, но была. Гриша болел за свое дело душой, чего прежде с ним не случалось. Конечно, в Москве доходы были совсем другие, но трудился он чисто механически, вижу цель – иду вперед любой ценой. Не допускал даже мысли, чтоб вернуться обратно в деревню ни с чем, засмеют. Казалось, что на этом жизнь кончится, а вышло все наоборот, жизнь не только не кончилась, а заиграла совсем другими красками. Нескончаемый водоворот дел и тут не отпускал его ни на минуту, но Гриша чувствовал, что энергия его идет в нужное русло, не растрачивается на пустые пьянки и вечеринки, на хвастовство новыми коллекциями брендов друг перед другом, осознал он вдруг, что в этой бесконечной погоне быть круче всех в тусовке нет победителя, это вечная изматывающая гонка, а завтра придут новые, более успешные, более богатые, ставки вырастут, а человеческая душа лишь продолжит обесцениваться. То, что вы был он из этого соревнования, поначалу конечно, было обидно, а потом как камень с души упал, не нужно никому больше ничего доказывать.

– Милка, – прошептал Гриша в темноте, – не думал я, что

и ты стервой такой окажешься, просчитался, а так хотелось верить, что по любви все было. Хотя, может Анжелка специально врет, что ты до меня к Потапову клинья подбивала, а он тебя отверг. Да и какая уж теперь разница? Если б на самом деле любила, раньше б спохватилась, а не спустя три года.

– Зато теперь понятно зачем женушка заявила, деньги понадобились, но я тоже не пальцем деланный, а вот не развелся-то зря, с дуру на нее понадеялся. Теперь надо думать, как «совместно нажитую» ферму за собой сохранить. Лучше с Анжелкой не конфликтовать, характер у нее адский, мало того, что визжать будет, так еще чего доброго в суд пойдет.

Измученный мыслями, Заметайкин начинал проваливаться в сон. Мышцы отяжелели, по телу побежало приятное тепло и глубоко зевнув, Гриша забылся.

Рассохшиеся полы надрывно скрипели, в сенях царил полумрак.

Странный полумрак, будто тусклый свет фонарика прорубал тоннель, а над ним висела тяжелая, беспроглядная тьма. Она давила, мучила и душила. Но руки пусты и в них нет никакого фонаря, а ноги утонули в каком-то сером и липком тумане. Темнотой зияла приоткрытая входная дверь, за ней тоже стояла мгла.

– Какой-то абсурд, я точно помню, что закрыл ее на щеколду, она не может быть открытой.

Сердце зашло ужасом в груди, Гриша глотал жадно воз-

дух, но легкие не чувствовали его. Он ощущал себя беспомощной рыбой, выкинутой на берег. Заметайкин стоял посреди сеней и не решался приблизиться к распахнутой двери.

В соседней комнате послышались шаги и дверь за его спиной резко распахнулась.

По спине бежал холодок, ведь в доме он ночевал один. Отбойные молотки в ушах заглушали все внешние звуки. Гриша ничего не слышал кроме этих монотонных стуков у себя в голове, но чувствовал, что позади него кто-то есть. И этот кто-то дышит ему в спину, не слышно, словно волна теплого воздуха бьется о шею, касается ушей, колышет волосы.

На кровати в его спальне лежал мужчина, сильные руки покоились поверх стеганого одеяла и ни один мускул не двигался на его лице.

– Это моя кровать, кто этот мужчина? Он живой? – задыхаясь от ужаса, думал Гриша. И только сейчас он вдруг неожиданно осознал, что парит в воздухе над этим мужчиной. – Мои руки? Что стало с моими руками? – пытался выкрикнуть он, но из открывавшегося рта не выходило и звука.

А самое жуткое было то, что его тело лежало прямо перед ним, на кровати.

– Дыши, дыши, надо набрать в легкие побольше воздуха, ну давай же! ты можешь! Двигайся, это твой последний шанс! Тело налилось свинцом, отказываясь пошевелиться, теперь он был внутри, Гриша это чувствовал. Словно крохот-

ная песчинка в теле великана, которое ему абсолютно неподвластно. Он не мог не то, что разогнуть пальцы, даже сдвинуть их на миллиметр не представлялось возможным. Горло сдавливало все сильнее, словно тяжелый валун водрузили на грудь, закрывая окончательно доступ кислорода. Гриша корчился на подушке открыв рот, не произнося при этом ни звука. Оглушительный удар молота по металлическому брусу, означающий время для выгона скота на пастбище, выдернул Гришу из забытья, он распахнул глаза, полные ужаса.

Глава 7 Милка

Красная ауди неслась по двух-полосному шоссе, то и дело обгоняя фуры. Вдавливая до упора педаль газа, Мила лавировала между встречными и большегрузными машинами, словно играя в шашки с судьбой, испытывая и себя, и ее на прочность. Каждый раз вылетая на встречу, ей каким-то чудом удавалось в последнюю секунду занять свою полосу и избежать столкновения, в окно она показывала фак проезжающим шоферам, оглушительно сигналившим ей. Оставалось только догадываться, какими проклятиями они сыпали ей в ответ. До Москвы оставалось еще чуть больше половины пути. Красивая голубоглазая блондинка с длинными локонами, неброским французским маникюром, всегда стильно одетая, сегодня выглядела не лучшим образом. Под глазами красовалась размазанная тушь, волосы были всклокочены,

местами слиплись от какой-то засохшей жидкости, несколько ногтей на пальцах рук то и дело цеплялись обломанными кончиками.

– Где ты была все эти три года? – передразнивала она Гришин вопрос, – ты дурак? Или только прикидываешься? Варианты я искала все эти три года! ВА-РИ-АН-ТЫ! Если б нашла, ноги б моей не было в твоей трухлявой деревне! – кричала она. – Что я виновата, что мне одни аферисты попадаются? – и слезы градом полились по ее щекам.

Людмиле Семеновне Ляпуновой было двадцать восемь, она пыталась покорить Москву вот уже лет десять, но Москва упорно отказывалась покоряться ей. Нет, она конечно не бомжевала по подъездам, не снимала халупу с тараканами в Замкадье, а вела вполне неплохой образ жизни, а по меркам регионов, так даже шикарный, но Милке этого было мало- полюбить, так королеву, проиграть- так миллион! Детский дом закалил ее характер, а постоянная борьба за выживание научила быть изворотливой и хитрой. Она не гнушалась никакими способами улучшить свое положение в обществе, шла по головам и без сожаления бросала любовников, как только они переставали выполнять свою прямую обязанность – делать ее счастливой, а счастье, в Милкином понимании, покупалось исключительно за большие деньги.

Были на ее жизненном пути и душевные проколы, не без этого. Приехав в Москву, она влюбилась в Ашота Паридзе, хозяина цветочных ларьков, но бизнес не выдержал жесткой

армянской конкуренции и Ашотик бежал на родину, оставив Людмиле Семеновне подарок, который через девять месяцев нарекли Платоном Адриановичем Петручелли, в честь якобы отца итальянца, агента КГБ, срочно вызванного для выполнения секретного задания. Поскольку ни родителей, ни бабушек у Милки не было, она отдала сына «итальянца» в детский дом, тот самый, в котором выросла сама и продолжила свой нелегкий путь к счастливой жизни.

Из брошенного на соседнее сидение мобильного раздался радостный голос – “It’s a match!» Милка перестала всхлипывать, съехала на обочину и включив аварийку, начала спешно открывать приложение «Райские знакомства». С экрана телефона на нее смотрел ослепительной улыбкой красавец брюнет, среднего возраста в обнимку с двумя собаками: золотым ретривером и черной бульдожкой. Милка листала фото, сердце ее готово было выпрыгнуть из груди, – неужели бог услышал мои молитвы? – думала она, – вот же он! Мужчина моей мечты! Канадец, 45 лет, разведен, детей нет, пилот самолета, обладатель собственного особняка в Виннипеге, квартир в Париже и Милане, а имя-то какое! Джулиан Мейсон – произнесла она на распев, – Людмила Мейсон! – примерила она «будущую» фамилию и радостно закричала – Звучит! Еще как звучит! Прощай, Зметайкин, вместе со своей вонючей фермой! Не больно-то и хотелось! Здравствуй, Джулиан! – и не успела она опомниться от счастья, как получила сообщение: «Приветствую тебя красивый девушка с

белым волос. Я очень рад, что наш симпатия совпал. Мой друг убедил меня зарегистрировать этот сайт. Я увидел твой фото и что-то екнул в моя грудь. Написать мне о себе, вот мой эмейл».

Милка глубоко вдохнула, пригладила свои белокурые, слипшиеся от яичного месива, волосы, довольно подмигнула сама себе в зеркало и ударила по газам. Оставшаяся часть пути до Москвы пролетела незаметно, мадам Ляпунова распевала радостно песни, а вместо факов теперь одаривала, пролетающих мимо симпатичных водителей белозубой улыбкой. Правда некоторые из них с недоумением поглядывали на вроде красивую девушку за рулем красной ауди, но какую-то странную. Окрыленная новой возможностью, Милка совсем позабыла, что не мешало бы основательно привести себя в порядок.

Не дожидаясь лифта, мадам Ляпунова рванула на шестой этаж своей однушки в Свиблово и не раздеваясь, бросилась к ноутбуку – нельзя было терять ни одной драгоценной минуты. Промаявшись минут сорок с текстом ответного письма потенциальному жениху (а в мечтах она уже бежала босиком по обжигающему песку райского Бора-Бора, с развевающейся фатой на встречу ослепительному канадцу, поджидающему ее у импровизированного алтаря), Милка решила посоветоваться с подругой, опыт-опытом, но очередной промах на личном фронте казался ей непереносимым кошмаром.

– Олеська, спасай! Срочно нужна твоя помощь! – прокри-

чала она в трубку.

– Мил, ты на часы смотрела? Пол первого ночи, у меня вообще-то дети уже спят. – сонно пробормотала Олеся в ответ.

– Это у нас полпервого ночи, а в Канаде пол пятого дня!

– Да хоть в Антарктиде! Какая мне разница? Ты себя хорошо чувствуешь?

– Лучше всех, Олесечка, лучше всех! – радостно голосила Милка.

– Кстати, как ты съездила к Грише? Судя по довольному голосу, все прошло на ура?

– Какой Гриша? Не напоминай мне об этом! Не поездка, а сущий ад, бабка у него там какая-то чумная живет, чуть не убила меня.

– Да ты что? Откуда у него бабка-то? Вроде ж все родственники на том свете уже!

– Все, да не все! Метала яйца в меня, как сумасшедшая, еле ноги унесла. Куртку мою за двести косарей испортила, ведьма старая! Ладно, сейчас не об этом.

– Только не говори, что ты по дороге с дальнобойщиком познакомилась и уезжаешь на его фуре в Канаду, – рассмеялась Олеся.

– Смейся, смейся! Я на тебя посмотрю, как ты будешь стоять на берегу моря, в полупрозрачном лиловом платье подружки невесты, с гавайским ожерельем из тропических цветов. Кстати, там тебе кого-нибудь тоже подыщем! А то с твоего бывшего алиментов три копейки.

– Мил, ты случайно не перегрелась? Или тебе яйцо попало прям в затылок? – окончательно проснувшись заметила Олеся.

– Короче, я тебе говорила, что надо регистрироваться на сайте знакомств?

– Говорила.

– Вот, а ты в пустую время тратишь! Хоть раз послушай меня! Я с таким мужиком познакомилась, закачаешься! Похоже я влюбилась!

– Это меня и пугает – произнесла озабоченно Олеся, – Мил, ты взрослая женщина, неужели ты веришь во всю эту чепуху? Ты знаешь сколько там аферистов и мошенников? А сколько раз ты уже обжигалась? Я просто поражаюсь твоей непонятно откуда взявшейся, наивности. Похоже ты действительно влюбилась, а иначе я не знаю, чем объяснить эту мечтательную ерунду, что ты несешь...

– Эх, не веришь ты в любовь, Олеська, а я верю! Я как увидела его фото, меня прям обухом по голове шарахнуло – это он! Судьба посылает мне настоящего мужчину за все мои страдания в этой жизни, есть бог на свете! Ой, может потом и Платошку из детского дома заберу и перетащу с собой в Канаду.

– Ну-ну, только плакаться не прибегай если что, и не говори, что я тебя не предупреждала!

– Хорош ворчать как бабка старая, лучше помоги мне с ответом, голову сломала, не знаю, что написать так, чтоб прям

с первых слов зацепить его.

– Милка, хочешь обижайся, хочешь нет, но я в этом участвовать не буду и тебе не советую. Очнись! Какая Канада? Ты хоть раз с ним встретиться, а потом про переезд и свадьбу мечтай.

– Да ну тебя на фиг! А еще подружка называется! – крикнула недовольно Милка и бросила трубку.

Глава 8 Гриша, мы в опасности!

– Гришенька, ты чего такой смурной? Прямо лица на тебе нет! – убирая тарелку с нетронутыми блинами, озабоченно спросила Баба Ньюра, – блинчики не нравятся, давай каши сварю?

– Спасибо, не хочется что-то ничего.

– И не плавал сегодня, уж не заболел ли? Это все проститутки твои виноваты! Никакого покоя от них нет. Нашел бы ты себе женщину порядочную, из наших деревенских, не испорченных. Ты посмотри, какие красавицы у тебя на ферме работают, вот Любочка доярка, например. Заботливая, вежливая – слова плохого не скажет, а лицом до чего ж хороша! Настоящая русская красавица! Не то, что эти твои московские, мордами друг на друга похожие, обколотые гиеронкой. Я по радио слышала, что даже в задницу ее колют, чтоб больше в размерах была. Куда уж больше-то? Жалко мозги им нельзя увеличить. Жопу накачают и еще вишню на ней

нарисуют, вот срам-то!

Гриша первый раз за утро улыбнулся, – да не гиеронкой, а гиалуруновой кислотой. Поменьше б ты радио слушала.

– А и черт с ней, разве ж может нормальный человек такое название выговорить? Господи, что только не удумают. не пойми- чем наколются, волос искусственных понатычут себе в голову, ногти – что у медведя когти, да как они, задницу-то себе подтирают с такими когтищами, а, Гриш? Ведь всю обдерешь! А трусы какие носят? Я у Анжелки твоей посмотрела вчера – это ж срам. Нитка! У коровы и то хвост толще, чем у нее трусы. Вот у нас лавка приезжает – Ивановский трикотаж, так настоящее белье продают – и задница прикрыта, и все дышит! Ты б ей купил что ль на прощание пару штук, ладно летом, а зимой-то ведь застудится вся.

– Баба Нюра, заканчивай, честное слово. До этого-то момента не застудилась как-то.

– Не злись, соколик, ты ж у меня один остался на старости лет. Отрада моя! Душа за тебя болит. А мать ее где?

– Да откуда ж я знаю?

– На родителей надо было вначале посмотреть, а уж потом жениться! Чует мое сердце, что тоже хороши фрукты!

– Я их только один раз и видел, даже на свадьбу не пришли.

– Батюшки, да как же так можно? Без отцовского-то благословения?

– Не понравился я им с первого взгляда. Деревенщина –

не пара их светской львице. Да и вообще, отношения между собой у них тоже странные какие-то были: она все время в Ницце торчала, а он из командировок не вылезал.

– Ну вот тебе и ответы на все вопросы: какие родители, такая и дочка! Все ж из детства, из семьи идет. Да имя-то у нее какое-то проститутское, надо ж так дочку было назвать! Вот всю жизнь девке и испортили.

– А кстати, где-Анжелка-то? Я рано утром проснулся, машины уже не было. Ты ее спровадила?

– Да что ты, Гришенька, я ее и пальцем не трогала, блинчиков с творогом ей предложила, так она так нос своротила, я думала у нее припадок случился. Пробубнила что-то невнятное, да и поскакала восвояси. Копыта только свои оставила, не дай бог вернется за ними! Я, правда, ей гостинчик еще на дорожку положила в машину, надеюсь понравится.

– Баба Нюра, ты опять за свое?

– Что ты? Блинчик от чистого сердца!

Гриша тяжело вздохнул и вышел на улицу. На душе было тревожно после ночного кошмара. Он сбежал с холма, сел на мостках и опустил ноги в прохладную, беспокойную воду. Вокруг озера сгушались грозные тучи, они то налетали, и казалось, что вот – вот неизбежно грянет дождь, то отступали, гонимые ветром, по непонятным причинам, вдруг изменившим свое направление – затянуть все пространство над водой не удавалось. Не ночной кошмар пугал Гришу, а чув-

ство дежавю, что-то знакомое, но что – он никак не мог понять.

Мелкие капли дождя застучали по лобовому стеклу еле ползущего по дороге порша. Анжелу мучил вопрос: гнать в Москву и забыть, как страшный сон или вернуться к Грише и рассказать ему все, услышанное? Она не знала, что делать. Потрясение, неожиданно свалившееся на нее было настолько велико, что думать ни о чем другом она просто не могла. Анжелу пронизывал страх. Мысли о том, что все происходящее в ее жизни за последние полгода, скорее всего не было простой случайностью, буквально парализовали ее.

Всю ночь она не могла сомкнуть глаз и чуть только забрезжил рассвет начала собираться домой. Первый шаг был сделан, пусть не очень удачно, но она хотя бы попыталась. Теперь надо отступить и хорошенько обмозговать, что же предпринять дальше, да и Гриша пусть подумает, авось образумится и поменяет к ней свое отношение, все ж таки прощение-то она попросила. Анжела чувствовала, что не все потеряно, можно еще нащупать тонкую ниточку, связывающую их вместе.

– Бабка эта все портит, откуда только она взялась? – подумала с горечью Анжела. Прокравшись осторожно по коридору и прихватив с собой галоши Бабы Ньюры, она выскочила из дома. В спину ей понеслось:

– Чтоб ноги твоей здесь больше не было, шалава московская! А то я тебе еще не такой сюрприз от чистого сердца

устрою.

Прыгнув в машину, Анжела почувствовала какой-то странный запах.

– Ну и вонь! – воскликнула с отвращением она. Осмотревшись вокруг и не найдя источника столь отвратительного «аромата», мадам Заметайкина плюнула, разбираться было некогда, – Дальше, дальше от этого места и как можно скорее! Но, вырулив с фермы на безопасное расстояние, она не рванула напрямик в Москву, а то и дело останавливалась и расспрашивала у каждого встречного про знахарку. Местные, особенно мужчины, с охотой останавливались поболтать с заезжей красавицей, да еще на такой диковиной машине, но стоило задать вопрос про знахарку, как в воздухе повисало гнетущее молчание, люди крестились и спешили уйти прочь.

– Да что ж здесь такое происходит-то? – недоумевала она.

Не смотря на раннее утро, сельский магазин уже всю работу, и Анжела решила попытать счастье в последний раз, – ну если и здесь не повезет, значит бросаю все и уезжаю домой. – решила она. В ожидании пока немногие покупатели отоварятся и разойдутся, она разглядывала полки местного сельпо. Кажется, что в таком древнем магазине ей никогда не приходилось бывать. Ассортимент был не богат: крупы, соль, сахар, спички, мыло, резиновые сапоги, да накомарники, – не густо, подумала она и подошла к наконец-то опустевшей кассе.

– Доброе утро, можно мне водички с газом?

– Колокольчик, тархун, фанта, какую? – бросила с любопытством разглядывая явно неместную посетительницу, продавщица Татьяна.

– А просто водичка есть?

– Просто водичка у нас в колонке есть, причем бесплатно.

– Давайте фанту, – махнула рукой Анжела, услышав единственное знакомое ей название.

Продавщица пробила бутылку, но посетительница не спешила уходить.

– Еще что-то?

– Да, – Анжела мялась и не знала, как начать, – дело в том, что я сама не местная, но слышала, про знахарку, живущую в ваших краях и вот к кому не обращаюсь – никто не может подсказать, где ее найти. Может быть вы мне поможете, а то я уже потеряла всякую надежду. Мне очень, очень нужно к ней попасть, – умоляюще проговорила она.

Татьяна молча окинула взглядом Анжелу с ног до головы, потом побледнела и перекрестилась.

– Вот, именно так все и делают, а потом убегают, не говоря ни слова. Что с ней не так?

– Колдунья она, а не знахарка, вот, что с ней не так. – и Татьяна еще раз перекрестилась. Мать ее, та действительно знахаркой была, травами лечила, помогала людям, как могла. А от этой беды одни: где не появится – там раздор и скандал, коровы от нее дохнут. Она как по деревне-то идет, так

люди прячутся и ставни закрывают, не дай бог в глаза ей посмотреть, у Трошкиных до сих пор дочка заикается. Благо, редко она из своей избы вылезает – старая уже, да и живет далеко в лесу. Раньше-то там большой хутор был, но потом люди стали разбегаться кто куда, бросали дома свои и не возвращались больше. Будто выживала она всех в округе. Дом ее в центре стоял и вот, что-чудно-то было – дома пустели, начиная с окраины друг за другом по очереди, пока не дошло до Авдотьиного дома, так она одна и осталась.

Анжела внимательно слушала рассказ продавщицы, стараясь не упустить ни одной детали, но необъяснимый страх начинал подниматься в ее душе. Она была не из пугливых, да и вообще не верила ни в колдовство, ни во всякие привороты и отвороты, но что-то в этой, так называемой, знахарке зацепило ее и не давало покоя. Она чувствовала, что должна увидеть Авдотью своими глазами.

– Вы можете показать мне, где она живет? Я не прошу вас сопровождать меня, просто покажите дорогу, а потом я обратно вас сюда привезу.

– Ни за что, я туда и на километр не подойду.

– А кто-то из местных может мне помочь? Я заплачу.

– Я таких не знаю и тебе не советую к ней соваться, брось ты это и езжай домой, я тебе добра желаю. Красивая ты женщина, все у тебя будет хорошо, сходи лучше в церковь.

– Сами не хотите, можете тогда объяснить, как до избышки ее добраться? Нарисовать хотя бы? – не сдавалась Анже-

ла.

Татьяна долго думала и, глядя на покупательницу понимала, что никакие уговоры и советы не найдут отклика в душе Анжелы. Коготок увяз – всей птичке пропасть. Продавщица начертила план дороги на клочке мятой бумаги и протянула его Анжеле, та в знак благодарности хотела сунуть деньги, но Татьяна наотрез отказалась. Перекрестив спину, удаляющейся гостьи, бледная продавщица опустилась на стул.

Дождь усиливался и уже не мелкие капли то и дело падали на лобовое стекло белого порша, а с грохотом барабанили по крыше. Сверкнула молния, а через несколько секунд по небу прокатился оглушительный раскат грома. Разверзшиеся с треском небеса вывели Анжелу из стопора, она резко развернула машину и вдавив до упора педаль газа, понеслась обратно в Скорынево. Подлетев к ферме, она бросилась под проливным дождем к Гришиному дому. Распахнув со всего размаха скрипучую, тугую дверь, она крикнула, сидевшему к ней спиной, Заметайкину: Гриша, мы в опасности! – и упала без чувств.

Глава 9 Канадский жених.

Милка летала на крыльях любви вот уже несколько дней. Относительно свободное утро, в силу разницы во времени с Канадой, еще как-то уживалось с каждодневными рутинными делами в офисе, а вот ближе к вечеру, на Милкину

адекватность рассчитывать не приходилось совсем. Все свое время она проводила у компьютера, летая в облаках с загадочной, блаженной улыбкой. Сотрудники терялись в догадках куда же подевалась Ляпуновская стервозность, которой она одаривала всех без исключения на протяжении девяти лет своего секретарского стажа в строительной компании «ТрастинГодбатИнвест». Начальство менялось неоднократно, а вот Милкина стервозность отличалась завидным постоянством, но, видимо и на старуху бывает проруха.

– Лех, ты случайно не знаешь, что происходит с нашей офисной коброй? – тихо спросил Миша, когда мадам Ляпунова отлучилась в дамскую комнату.

– Наверняка скрутила по рукам и ногам очередного большого начальника. – подмигнул айтишник Леша.

– Не похоже, она б из его кабинета тогда не вылезала. Ты вспомни, что было, когда Гришаня руководил, к нему на прием прорваться невозможно было, только с ее разрешения. А сейчас – заходи в любое время.

– Ну так может это начальник не из нашего департамента, что тут офисов мало что ли в бизнес центре?

– Ты чего-то с утра не фокусируешься, – хихикнул Миша, – если б он был из другого департамента или офиса, ее б тем более на месте не было.

– Да, ты прав, – задумался Леша.

– Слушай, ты ж у нас компьютерный гений.

– Ну?

– Не пусти слюну! Залезь в ее почту и посмотри с кем она переписывается с утра до ночи, а я пойду кофейку тебе покрепче сделаю, а то ты сегодня совсем туго соображаешь.

– Мишунь, и мне захвати чашечку– ласково попросила, стоявшая в дверях Милка, – будь другом.

Леха с Мишей недоуменно переглянулись, а мадам Ляпунова заговорщицки им подмигнув, прошептала, – коньячок за мной.

Вечером, когда в опустевшем офисе не осталось ни одной живой души кроме охранника и двух здоровых лбов, играющих в сыщиков, операция под кодовым названием «Разоблачи змею» началась. Подобрать пароль к Милкиному почтовому ящику не составило большого труда. «\$Milka\$» подошел буквально с третьей попытки. Леха листал почту, открывал одно письмо за другим и с каждым новым сообщением его физиономия вытягивалась от удивления все больше и больше.

– Ну что там? – нетерпеливо бросил Миша.

– Слушай, тут какие-то стихи, песни на английском – ни черта не понятно. Сплошная сопливая романтика. О, смотри фотки!

– Давай, загружай скорее.

– Твою ж мать, походу, кобра отхватила заграничного принца, не иначе. Мих, ты только погляди: и на фоне вертолета, и с клюшками для гольфа, и в гоночной тачке. А наша-то, смотри, скромняшка какая, прям так и не скажешь,

что пробу ставить негде. Да у нее волос на голове меньше, чем мужиков, что она охмурила и бросила! – злился Лешка.

– Ты-то чего так кипятышься? Не ее поля ягода?

– Да подожди ты, смотри письмо. Язык сломать можно, это ж надо так писать:

«Моя дорогой, как твои дела? Как прошел твой день? Я не смогу уснуть вся ночь и думать о тебе. Я долго не решаюсь доверять женщине. Я замкнул в себя и не говорю ни с кем. Но я чувствую, что я могу доверять тебе и рассказать немного о своей жизни. Я был женат три года назад. Мы были очень счастливы с моей женой. Я дарил ей много подарков, брал с собой в путешествие. Один день я был очень счастлив, когда она сказала мне, что ждет ребенка. Но я получил звонок от моей матери, что она очень больна, я полетел к ней. Когда я вернулся домой, моя жена сказала, что потеряла ребенка. Я был в отчаянии и ушел на работу. Один день, я возвращаясь с полета домой и застал ее с моим другом. Она просит прощения, но я не могу простить предательство. Мы разводимся, затем умерла моя мать. Отец мой умер пять лет до этого. Я был в отчаянии, думаю, что моя жизнь кончилась. И вот мой друг говорит мне зарегистрировать этот сайт и попробовать. Он сам нашел там жену и переехал к ней в другой город. Они были счастливы сейчас. Когда я увижу твой фото, я пойму, что ты мой родственник души. Я честный человек и хочу серьезных отношений. Мне не нужна встреча на одну ночь. Твои письма делают улыбку на моем лице. Я

удалять свой анкета с тот сайт, чувствовать, что ты та самый, мой судьба. Я понимать, что это быстро, но ты можешь доверить мне.

Твоя Джулиан»

– Это сто процентный развод! – заголосил Леха.

– Да не ори ты, охранник услышит! – зашипел на него Миша.

– Ты только послушай: «Твой письма делать улыбку на мой лицо», я сейчас со смеху помру! Ну, Милка, ну дура! Это же самый настоящий аферист. А наша кобра-то, хороша, видно весь свой яд на Гришке растеряла.

– Да с чего ты взял-то? Она молодая, красивая, может правда влюбился. Иностранцы любят наших баб.

– Походу я с утра не фокусируюсь, а ты с вечера! Это мошенник, там целая банда орудует, уже даже фильм про них сняли. Разводят женщин на деньги, убеждая, что нашли свою судьбу и хотят жениться. Поспорить могу, что он одновременно штук пять таких дур окучивает и под копирку им одно и то же строчит.

– Может надо ей открыть глаза?

– Ага, может надо ей еще открыть глаза на то, что мы сегодня взломали ее почту?

– Блин, точно! Ну, давай хотя бы Олеське скажем, она ведь ее подруга, пусть намекнет как-нибудь деликатно.

– Ну уж нет! Я такой спектакль не пропущу ни за что! И тебе не советую.

Милкин роман развивался такими стремительными темпами, которые для среднестатистической русской женщины были просто немыслимы, даже в самом счастливом сне. Обычно женщина тянет за собой мужика, как телка на веревке, а он еще при этом упирается, мычит и кладет лепешки. «Принца» можно женить на себе только в двух случаях: либо залетев от него (хотя, Милка оказалась исключением и из этого правила), либо он так вложил в эту принцессу, что просто жалко вложенного. Есть, конечно еще и третий вариант, когда невеста настолько завидная, что грех не жениться и не поправить свое положение, пользуясь случаем, но это не Милкина история. Если бедной страдалице не удастся подвести мужика ни к одному из этих вариантов, она вынуждена мучиться с ним годами не щадя себя, соглашаясь на столь модные нынче «партнерские отношения». Это, когда мужик просто работает и лежит на диване, а женщина и работает, и оплачивает на пополам все расходы, и готовит, и убирает, и воспитывает ребенка, как маленького, так и большого, а еще крутится у шеста, садится на шпагат, из хорошей семьи, с двумя высшими образованиями, а он просто «Витюшка – я у мамы хороший мальчик». Милка проходила все эти варианты давным-давно, еще в прошлой жизни. Нахлебалась она и «Витюшки», и партнерства, и абьюза, и альфонства – казалось, что удивить ее в отношениях с мужчиной было уже нечем. Однако, ушлый канадец нашел чем

ошарашить истерзанную женскую душу по полной программе, лишив ее в конец разума и адекватности. Ни один мужик не говорил с Милкой о женитьбе, ни один не называл ее своей судьбой, родственной душой и тому подобной «лапшой». А тут каждый день нескончаемый поток стихов, песен, комплиментов и серьезных намерений, вот как тут не потерять рассудок окончательно и бесповоротно? А если еще и убеждать себя, что это подарок небес за все страдания, то свободный полет со скалы в пропасть обеспечен. Но разве можно открыть глаза влюбленной женщине? Увы и ах....

Поздно вечером, Милка, напереписывавшись вдоволь с канадским «миллионером» и «проводив его на работу», довольная и счастливая готовилась погрузиться в свой любимый сериал «Страсть, любовь и измены», как вдруг зазвонил телефон. Взяв с тумбочки трубку, Милка с ужасом обнаружила входящий видео звонок от Джулиана.

– Твою ж мать, попрощались ведь уже! – схватилась она в ужасе за голову. Грязевая маска на лице, растянутая футболка с пятном на груди и растрепанные волосы, собранные в гульку на макушке, мгновенно привели ее в отчаяние. Метнувшись в ванну, она усиленно начала смывать изрядно засохший омолаживающий израильский грунт с лица, но он так просто не смывался. Первый видео звонок, а она ударила в грязь лицом в прямом смысле этого слова. Намочив полотенце, Милка с остервенением терла физиономию. Кое как избавившись от маски, распушив волосы, и натянув вместо

старой футболки кружевной пеньюар, она прыгнула в кровать, оставив гореть лишь маленький светильник, создающий романтический полумрак и нажала «ответить».

Небритая морда по ту сторону экрана смотрела на нее, улыбаясь во все тридцать два блестящих зуба. Камера телефона была направлена в потолок, показывая жениха по грудь, в простой белой футболке, окружение рассмотреть было невозможно. Милка немного смутилась, – чего-то на фото он выглядел как-то по-моложе и по-красивше.

Но, тут, принц открыл рот и из него полился уже знакомый поток комплиментов и восхищений Милкиной красотой. Она в миг забыла обо всем. Корявая русская речь то и дело, перемежалась с английскими словами, в которых мадам Ляпунова была не сильна. – Наплевать, – думала Милка, завороченно глядя блаженной улыбкой в экран то и дело поддакивая, – Oh, yes.....me to! (О, да....я тоже!)

Собственно говоря, выдала все, что знала. Правда, еще она знала выражение «One night stand», но в данном случае об этом было лучше промолчать. Джулиан долго ей что-то втирал по-английски, но она ни черта не поняла, что же он хотел до нее донести, лишь продолжала кивать ему в экран как болванчик. Когда экспрессивный монолог закончился, Милка простыми русскими словами и жестами попросила жениха написать ей все то, что он сейчас нес с экрана. Мистер Мейсон растерялся, но потом закивал головой и обещал сформулировать подробно все свои доводы в очередном

письме. И послав друг другу воздушный поцелуй влюбленные распрощались.

Милка горела красным огнем стыда. Про то, что придется общаться вживую, без переводчика, она как-то опрометчиво забыла, а с ее уровнем владения языком, сделать это было практически невозможно.

– Все, срочно начинаю учить английский! – решила она. Заявившись утром в офис, прямиком из книжного магазина, и обложившись учебниками, Милка начала усиленно готовиться к вступлению в новую, столь манящую жизнь будущего экспата.

Глава 10 Предзнаменование

– Гришенька, родненький, ты только посмотри, эта стерва галоши мои единственные стащила! Батюшки, да что ж это делается? Среди бела дня обворовали. А взамен, видать, мне свои копыта бросила, чтоб я на старости лет убилась в них? Смерти моей хочет! Не дождется, шалава московская!

Истошный крик Бабы Ньюры то и дело прорывался в сознание Анжелы. Она лежала на кровати и оглядываясь по сторонам, пыталась вспомнить как она снова оказалась у Гриши дома. – Чертова ведьма, да, когда ж ты только замолчишь уже? – подумала она, снова закрывая глаза и натягивая на голову подушку, чтобы только не слышать старухин дребезжащий голос.

– Нет, ты глянь, Гришенька, это ж какого размера «лодки-то» ее, не иначе как сорок пятого! Так она своими лапщами и мои новые галоши растянула, стерва! Как я теперь их носить-то буду? Я сейчас пойду еще шкаф проверю, может она и белье мое прикарманила заодно.

– Баба Нюра, успокойся ты, куплю я тебе новые галоши – утешал Заметайкин разбушевавшуюся старушку.

– Гришенька, а можно мне хряксы?

– Какие еще хряксы? – удивленно спросил Заметайкин.

– Вон, Ларионовне, дети на день рождения подарили, такие в дырочку, с хлястиком на заднике, там еще морда крокодиловая прилеплена сбоку. Так, она, зараза, третий день хвастается по всему поселку, говорит – такие удобные, что вам, колхозникам, и не снилось. Я тоже такие хочу!

– Кроксы что ли?

– О, они самые! А можно зелененькие?

– Можно, а сейчас иди к себе, Баб Нюр, я тут сам разберусь.

– Ты подумай, может мне все-таки лучше остаться, вдруг она к тебе целоваться опять полезет, так я ее миской алюминиевой шарашну. – с надеждой в голосе спросила старушка.

– Баба Нюра!

– Молчу, молчу! – закрывая за собой дверь, проговорила она, – мисочку-то я все-таки здесь положу, на всякий случай.

– Да что ж такое-то?

– Нет меня. – со всего размаха хлопнула входная дверь.

Гриша намочил полотенце холодной водой и хотел сделать Анжеле компресс, как мадам Заметайкина открыла глаза. Она долго и пристально смотрела на Гришу, а потом рыдалась и бросилась в его объятия. Она редела, уткнувшись в Гришино плечо. Он чувствовал, как футболка пропитывается слезами. Ее пышные рыжие волосы пахли таким знакомым запахом, который когда-то был очень родным, но в какой-то момент, вдруг потерял свое очарование. А сейчас будто, что-то очень дорогое сердцу, но утерянное, по неосторожности, вдруг возвращалось обратно, наполняя сердце уже забытым трепетом и нежностью. Ему стало жалко ее, такую хрупкую и беззащитно плачущую в его руках. Все обиды вдруг стали отступать. Гриша потянулся к Анжеле, чтоб поцеловать ее, но она, вытирая слезы отстранилась и сказала:

– Гриша, нам надо серьезно поговорить.

Заметайкин опешил от такого поворота событий, но быстро взяв себя в руки, прошептал: – Я тебя слушаю.

– Ты можешь подумать, что я сошла с ума, но поверь мне, это не так. С нами творится, что-то ужасное и это не с проста. Мне кажется, я догадываюсь, кто виноват во всех наших несчастьях. – то и дело всхлипывая, тараторила она.

– И кто?

– Эта стерва, Милка!

– Опять ты за свое? – вспыхнул Гриша, – Милка виновата,

что ты с Потаповым спала, будучи замужней женщиной? Или может Милка виновата, что ты готовить не умеешь? Или что твой любовник в лифте грохнул...? - Гриша осекся на полуслове, и тут вдруг ему стало понятно почему чувство «дежавю» от ночного кошмара не давало ему покоя.

– Сон Потапова! – крикнул он.

– Что не так с этим сном? – не понимая моргала глазами Анжела.

– Вчера мне приснился похожий сон. – обреченно проговорил Гриша, – вот почему меня не покидало это гадкое чувство, что я где-то уже слышал что-то подобное, но никак не мог вспомнить где.

– О, Господи! – хватаясь за голову руками, проговорила Анжела, – что тебе приснилось, рассказывай подробно!

– Я подумал вначале, чушь какая-то. Наверное, день тяжелый, все на нервах, душно в доме было, поэтому и чертовщина всякая в голову лезет...потом, гроза эта весь день не прекращается....

– Да не тяни же ты, Гриша, это очень важно! Что конкретно тебе приснилось?

– Будто стою я в сенях, дверь входная открыта, а за ней мрак непроглядный, прям веет холодом, и вдруг сзади распахивается дверь, и кто-то дышит мне в спину. Я прям чувствовал это дыхание, у меня аж волосы зашевелились на затылке, я же в доме один ночевал и дверь входную запираю, точно помню. А потом, я вдруг парю над своим телом, лежа-

щим на кровати и не могу ничего сделать, руки словно в кисель превратились, все тело какое-то тягучее, не слушается меня, не могу пошевелиться.

– Боже мой, Гриша, что же нам делать?

– Успокойся! Я, вообще, не верю во все эти предупреждения и знаки судьбы. Думаю, совпадение просто. Ты же мне накануне рассказывала про Потапова, видимо, я так впечатлился, что психика просто спроецировала эту ситуацию в сновидение, вот и все. Это чувство, гнетущее, меня мучило, от того, что я никак не мог понять, где я слышал что-то подобное, а теперь, когда вспомнил – все сразу встало на свои места.

– Так, о чем ты хотела поговорить?

– Гриша, ты слышал про местную знахарку, Авдотью?

– Ну что-то слышал, я особо не интересовался такими вещами, но мать, еще, когда жива была, рассказывала какие-то чудеса излечения. Но, она ж вроде на хуторе одна живет, в лесу. Народ от нее шарахается, боятся, как огня.

– Я не про болезни. Заметайкин, я была у нее сегодня днем.

– Зачем? Ты-то что там забыла? И как ты вообще туда попала?

– Гриша, важно то, что я там услышала.

– И чем она тебя так потрясла?

– Гриша, она мне всю мою жизнь рассказала от рождения до сегодняшнего дня. Такие вещи, о которых кроме меня и

знать никто не знает.

– О, ну вот это уже интересно! Я тоже хочу узнать то, чего никто не знает. – засмеялся Гриша.

– Не шути! Я не могу объяснить словами это чувство, но я была твердо уверена, что должна увидеть эту знахарку своими глазами. Меня поразило то, что у кого бы я не спрашивала про нее, все крестились и бежали прочь, не говоря ни слова. Согласись, в наше время, странная реакция. Разве можно кого-то в Москве удивить или испугать какой-то знахаркой? Спасибо продавщице из местного магазина, она мне начертила дорогу. Но добраться туда было нелегко, скажу тебе. Меня не покидало ощущение, что я езжу по кругу и никак не могу попасть на тот хутор, будто не пускает кто-то туда. Кругом лес дремучий, ветки скребут по дверям и крыше машины, но я не могла так просто сдаться. Если мне удалось в итоге узнать дорогу, значит и на хутор я попаду, любой ценой. И вот, как только это чувство уверенности укрепилось у меня в голове, сразу же оказалась в нужном месте.

Гриша слушал молча, но в душе его начинало подниматься какое-то чувство тревоги и тоски.

– Конечно, место это жуткое: заброшенные, покосившееся дома, с выбитыми стеклами, деревья все сухие вокруг стоят, ни души, даже птица ни разу не пролетела, пока я там была. Дом ее в середине села этого стоит, тоже трухлявый, но в нем, чувствуется, что теплится что-то живое, но живое недоброе, с тяжелой энергетикой. Но, ты же меня знаешь,

если я что задумала – доведу до конца. Как только я вышла из машины, меня просто поглотила звенящая тишина, она будто пролезла мне в мозг и дальше я все делала как на автопилоте, даже не помню, как зашла к ней в дом. Все, что всплывает сейчас в голове, это то, как я стою у нее в сенях. Кругом мрак, у нее, похоже, даже электричества там нет. И тут дверь распахнулась и на встречу мне вышла ссохшаяся старая бабка, просто мумия – кости, обтянутые кожей. Не знаю, на чем душа у нее держится.

– Гриша, кто там в окне? – в ужасе, закричала Анжела, указывая пальцем за спину Заметайкина. Гриша обернулся, за занавеской расплывались какие-то непонятные очертания. Заметайкин соскочил с кровати и подбежав к окну, резко отдернул занавеску. В проеме красовалось лицо Бабы Нюры, прислоненное к стеклу, в попытках разглядеть хоть что-нибудь. Гриша строго погрозил ей пальцем и она, недовольно сплюнув, побрела прочь.

– Я чуть не поседела от страха, – в ужасе пролепетала Анжела.

– Пойдем на кухню, я чайку заварю с душицей, она нервы успокаивает и там занавески ночные можно задернуть.

– И дверь на засов закрой пожалуйста. – взмолилась Анжела. Усаживаясь за широкий дубовый стол, покрытый вязанной скатертью, она продолжила.

– Ну так вот, схватила она меня за руку, как клешнями, у меня аж рука занемела, чувствую кровь не поступает, синеть

начала, а она не отпускает и молча тащит меня внутрь дома. Комнатка маленькая, все в паутине, занавески какие-то рваные, будто им тысячу лет, не меньше. Печка вся в саже, в общем, леденящее кровь зрелище. И тут она открывает свой беззубый рот и оттуда раздается не голос. Ну в смысле, что у нормального человека, просто не может быть такого голоса. Это, буквально, скрип ветхой сосны в бурю. И только я хочу вставить хоть слово, она поднимает свою высохшую руку и осаживает меня, не поверишь, но как только она делает такой жест, словно рот немеет, пытаешься открыть его, а он не открывается.

– Анжел, мне уже страшно, хоть я и не из пугливых, ты знаешь.

– Дальше, все будет только хуже, Гриша. Поверь мне, самое страшное еще впереди.

– И вот она с ходу заявляет мне, что мы с тобой в опасности. И случай с Потаповым – вовсе не несчастный случай, а самое ужасное то, что еще одна беда должна случиться с близким мне человеком в ближайшее время. И этот близкий человек – мужчина, а, накануне, ему будет ведение, похожее на то, что видел уже погибший. Я пыталась задавать ей вопросы, но она не давала мне и рта открыть, в буквальном смысле этого слова.

Гриша бледнел на глазах, – все это какой-то страшный сон, не иначе. Абсурд, какие знахарки? Какие ведения? Мы в двадцать первом веке живем, что за бред?

– А еще, на нас с тобой лежит какое-то проклятье, причем двойное и снять его практически невозможно, потому что сделано оно на смерть. Гриша, мне страшно! – вновь зарыдала Анжела.

Гриша подсел к ней и обнял за плечи. – Перестань, ну мы же взрослые люди. Бывает полоса неудач абсолютно у всех, но это совсем не значит, что на тебе лежит какое-то проклятье. Люди сходятся и расходятся, рождаются и умирают, и это происходит не по велению рока, а потому что это жизнь. Все будет хорошо, вот увидишь!

– Это все Милка, завистливая ведьма! Это она по бабкам ходила и навела порчу и на Потапова, когда он отверг ее, и на нас с тобой. Да открой ты глаза, Заметайкин! На ней же пробу ставить негде. А ты в курсе, что у нее ребенок есть, так она его в детдом сдала, своего же собственного сына. И ты будешь продолжать защищать ее?

Заметайкин опешил, Милка ни разу не говорила ему о ребенке.

– Гриша, поедem к этой знахарке или колдунье, как ее там, все равно. Она может нам помочь! Еще не все потеряно, мы должны бороться!

– Анжела, в тебе говорят эмоции и усталость. Утро вечера мудренее. Давай, завтра встанем и на свежую голову все еще раз обсудим.

– Григорий Ляксеич, Григорий Ляксееееееич, с улицы доносился взволнованный голос Пахомова, менеджера Заме-

тайкинского стада. Гриша отпер дверь и выскочил на улицу.

– Григорий Ляксеич, беда! Красная, голштино-фризская подохла! С утра все нормально было, сейчас захожу, она лежит не шевелится, а вымя-то, у нее высохло все. – кричал в ужасе Максим Ильич.

Заметайкин побледнел и опустился на крыльцо.

Глава 11. А счастье было так близко

– Ой, Олеська, я такая счастливая! Ты себе даже не представляешь. – взхлеб рассказывала Милка за обеденным перерывом.

Олеся смотрела на подругу и не узнавала ее, как не пыталась она вставить хоть слово скепсиса в эту восхищенную тираду, ничего не получалось. Милка ее попросту не слышала. Весь офис гудел о романе секретарши с канадским «миллионером», только ленивый не посмеялся еще над аферой, разворачивавшейся у всех на глазах. По началу, неравнодушные сотрудники пытались деликатно намекнуть, летающей в облаках офисной кобре, – Мол, схема известная, не ты первая, не ты последняя! Подсовывали даже ссылку на сайт, с подробным разоблачением таких же махинаций и тоннами слезных, любовных писем, которые действительно были написаны всем «жертвам», как под копирку. Но Милка упорно не хотела ничего слышать, а все попытки образумить ее приписывала банальной зависти к так удачно складываю-

щейся личной жизни, которая непременно повлечет за собой и поправку материального положения, о которой простому «офисному планктону» нечего было и мечтать. Рожей не вышли!

– Представляешь, моего Джулиана отправляют на буровые вышки в Сохар, он будет руководить целой командой вертолетчиков, обучать их как правильно работать в условиях повышенной сложности, когда дуют сильнейшие ветра. – мечтательно рассказывала Милка. – Я так за него переживаю, а вдруг с ним что-то случится, я этого просто не переживу!

– Милуш, я так за тебя рада. Только вот, хоть убей, не могу понять, если твой Джулиан миллионер, зачем ему работать? Да еще в Сохаре, да еще в трудных погодных условиях?

– Ничего ты, Олеська, не смыслишь в крупном бизнесе, надо постоянно крутиться, деньги просто так не приходят!

– Аааааа! Понятно, вот почему я не миллионерша, ты мне прям глаза сейчас открыла – просто постоянно не кручусь.

– Не язви! Вертолеты – его страсть, он не может жить без неба, такой романтик, мой Джулиан. В общем, пробудет он там два месяца, а потом сразу же прилетит ко мне в Москву! Попросил меня подыскать для нас самый шикарный пятизвездочный отель в центре. Говорит, что наша первая встреча должна пройти в самой фантастической обстановке! – и Милка от счастья захлопала в ладоши.

– Это все здорово, только, помнится, что до этого он был

пилотом самолета, а сейчас почему-то он пилот вертолета. Тебя ничего не смущает? – не сдаваясь, парировала Олеся.

– Ой, да какая разница? Самолет, вертолет! Мой Джулиан – талант, для него нет ничего невозможного. А если б ты видела, как он управляет яхтой, ты б с ума сошла.

– Так у него еще и яхта есть?

– Обижаешь! Какой же миллионер без собственной яхты? Будешь себя хорошо вести, возьмем тебя с собой в круиз по Карибским островам. – подмигнула Милка.

– Обязательно, только заранее предупредите, чтоб я купальник успела купить.

– Ладно, Олесечка, пойду я, а то у меня сейчас урок английского с носителем языка. Знаешь ли, я тут поняла одну очень важную вещь: надо все время развиваться, инвестировать в себя, тогда и результат не заставит ждать. Жизнь дает тебе шанс и надо ему соответствовать, а если ты не готова, то сорри, как говорится, возможность пролетает мимо тебя, как фанера над Парижем. А ты все экономишь на себе, в итоге: ни мужа, ни любовника, ни перспектив. Ты извини, подружка, я просто помочь тебе хочу, подсказать, все ж таки не чужие люди.

– Спасибо, Милуш, не знаю, чтоб я без тебя делала! – закачала головой Олеся, – прям сейчас пойду записываться на курсы пилона и чего уж там мелочиться, замахнусь на китайский.

– Вот, правильно, наконец-то в тебе заговорил здравый

смысл! А еще обрати внимание на питание, надо отказаться от сахара, соли, жирного и сладкого, кофе пить исключительно на миндальном молоке! И все у тебя наладится, вот увидишь, дорогая. И чмокнув Олесю в щеку, Милка поспешила восвояси. Как только шлейф Ляпуновой выветрился, к Олесе тут же подсели Леша с Мишей и Катя.

– Ну что? Совсем все плохо? – поинтересовался ITишник.

– Вообще труба – всплеснула руками Олеся, – зомби, а не Милка, и знай талдычит как мантру: «Мой Джулиан самый лучший! Мой Джулиан талант! Он такой замечательный, мой Джулиан». А мы ей все завидуем, поэтому и придираемся к ее «миллионеру».

– Может он ее загипнотизировал? – выпалил Миша.

– Ну явно там орудует банда профессионалов, я уже ничему не удивляюсь, но как можно быть такой дурой? – возмущалась Олеся.

– Давайте Грише позвоним? – не сдавался Миша, – у них отношения были, может у него получится вразумить ее.

– Нет, никакому Грише мы звонить не будем, – отрезала Олеся, – Милка ездила к нему и, судя по рассказам, встреча не удалась, да и о самом Грише, она слышать больше ничего не хочет, так что этот вариант отменяется.

– Подожди, Олесь, а что, если нам зарегистрироваться на том же сайте знакомств, вычислить его, завязать переписку, довести ее, так сказать, до нужной кондиции и подсунуть Милке доказательства, может тогда у нее глаза откроются? –

предложила Катя.

– Тебе, что заняться не чем? – удивился Леша, – если она так не понимает, то пусть хлебнет по полной, может тогда в ней яду поубавится. Сколько она нас тут третирует уже? Это ты пришла четыре года назад, а я с истоков терплю все ее унижения. Настал час расплаты! Есть все-таки справедливость в этом мире!

– Не можешь простить ей, что она тебя отшила? – подмигнула Олеся.

– Не могу! Задето мое мужское самолюбие, пусть тоже помучается. Вечно вы носитесь за богатенькими и успешными, хоть даром им не нужны, а хорошие ребята страдают!

– Это ты что ли хороший-то? – встрепенулась Олеся, – вначале пить брось и в порядок себя приведи, а потом подкатывай. Трясешь все время своей челкой сальной! Что ты можешь ей предложить?

– Да перестаньте вы, – вмешался Миша, – она ж ведь тоже не от хорошей жизни такой стала. Я считаю, что надо помочь открыть Милке глаза. Молодец, Катюха, идея зачетная. Сварганим анкету, такую, чтоб мимо невозможно было пройти, фотки позабористее и никуда он от нас, голубчик, не денется.

Прошло несколько дней, Милка заметно нервничала, канадец стал реже звонить, объясняя это тем, что усиленно готовится к длительной командировке. Письменные трактаты, стихи и песни, до этого приходившие с завидной регулярно-

стью, тоже заметно сократились в объеме и утратили свое постоянство. Неизменной была лишь мантра: «Любить тебя, считать день до встречи, верить меня, никому не говорить о наших отношениях». Милка любила, считала дни до встречи и перестала кому бы то ни было рассказывать подробности своей личной жизни, но перемены в ее лице, постоянная нервозность и растерянность не могли укрыться от окружающих.

В четверг вечером раздался долгожданный видеозвонок. Небритая, потасканная рожа, с всклокоченными волосами в очередной раз, улыбалась с экрана:

– Моя любовь, я скучать, я страдать, я не мочь без тебя. – восклицал канадец, то и дело подглядывая в мятую бумажку. – Ждать! Чуть-чуть и мы вместе навсегда. Милка натянуто улыбалась, поддакивала, но энтузиазма в ней явно поубавилось. Она вдруг стала замечать вечно неухоженную внешность своего ненаглядного жениха, простую и неприглядную одежду, которая никак не увязывалась со статусом миллионера. Явно, не интеллигентные замашки, какая-то обшарпанная обстановка вокруг – все это вдруг стало пугать ее: – А что если Олеська права? Но она тут же постаралась отогнать от себя эти мысли. – Нельзя сдаваться на полпути от счастья!

– Любовь моя, я делать много покупок вчера. Я решать отправить тебе подарок. Я не знать, что ты любить, но я доверять свой сердце. Прислать мне свой почтовый адрес, я отправлять тебе посылка. Хотеть, чтоб эта вещь напоминать

тебя об меня. Я знать, что твоя жизнь тяжелый, я хотеть помочь тебе. Когда мы быть вместе, я взять весь расход твой жизнь на себя, я мужчина, так правильно. Ты не нуждаться ни в чем, обещать. Я улетать в Сохар на работа, весь день и ночь быть в полет. Далеко добратся. Сначала ехать на поезд из Виннипег в Оттава, от-туда, самолет до Нью Йорк, из Нью-Йорк лететь в Сохар, от Сохар ехать до база, от база лететь на буровой вышка на вертолет. Сойтить с ума, но так надо. Я быть не на связь весь день и ночь. Любить тебя.

Милка продолжала улыбаться и поддакивать, одновременно отправляя Джулиану свой эмейл.

– Спасибо, любовь моя, я получить адрес. Как только отправлять посылка, я прислать тебе квитанция. Любить тебя!

На следующий день, Милка получила квитанцию и письмо:

«Любовь моя, это квитанция на мой посылка тебе. Внутрь я положить новый Iphone последняя модель, беспроводной наушник, мукбук, переводчик, золотой роза кольцо, золотой кулон Жопард и 250 тысяч доллар, чтоб ты мочь снять лучший отель для нас. Деньги я не заявить, а спрятать в коробка с мукбук. Как получить посылка, написать мне сразу. Любить тебя. Бежать на самолет».

Милка была в шоке. На побледневшем лице ее выступили капельки пота, а потом она разразилась таким оглушительным и радостным воплем, что сотрудники повскакивали со своих мест. Мадам Ляпунова тут же вспомнила о предосте-

режении жениха не говорить никому ни слова, до их личной встречи, и извинившись перед недоумевающей публикой, поспешила оправдаться тем, что прищемила ногу.

Милка села обратно за стол и попыталась успокоиться. Внутри ее всю распирало от счастья. Она зашла на сайт перевозочной компании и проверила отправление: коробка на Милкино имя была на таможне в Турции. – Странно, подумала она, каким образом посылка так быстро могла долететь из Канады в Турцию? Но с другой стороны, не все ли равно как? Главное, что там целая куча денег и новой техники и все это для нее. Буквально на следующей неделе она, наконец-то, разбогатеет.

В субботу утром Милку разбудил странный звонок из турецкой таможни, которая якобы вскрыла подозрительную посылку, нашла в ней незадекларированные товары и, поскольку доставка оформлена на Милкино имя, требуется уплата пошлины в размере двух тысяч евро, в противном же случае, все отправленное имущество будет арестовано. Незамедлительно, Милка получила и банковские реквизиты. Она тщетно пыталась дозвониться до Джулиана, его телефон предательски молчал. У Милки были небольшие сбережения, убедив себя, что это вклад в ее будущее, она, не раздумывая больше ни минуты, перевела необходимую сумму.

В воскресенье вечером раздался еще один звонок из таможни, с требованием оплатить еще две тысячи евро, за выпуск посылки с территории Турции. Милка была в отчаянии,

денег у нее больше не было. Она не переставая набирала телефон Джулиана и вот, когда уже потеряла счет количеству звонков, недовольный голос рявкнул в ответ:

– Что хотеть?

Милка была ошарашена, такую грубость она слышала впервые. Канадский «миллионер» видимо почувствовал, что перегнул палку и решил тут же загладить свою вину:

– Простить меня, любовь моя. Я лететь больше суток, мы не попасть на стыковка, опоздать, я сейчас ждать в аэропорт, я устать, хотеть спать и есть, нет сил говорить.

– Джулиан, мне звонили с турецкой таможни, они обнаружили деньги, что ты спрятал в коробку с мукбуком и требуют от меня оплаты штрафа.

– О, простить меня, любовь моя. Я не думать, что они вскрыть коробка. Мне так жаль. Я не мочь сейчас оплатить, нет банк рядом, мне лететь дальше. Заплати, когда получить посылка, взять деньги оттуда.

– Джулиан, я уже заплатила две тысячи евро, они требуют еще. У меня нет таких денег.

– Значит надо найти этот деньга. Я не мочь сейчас, я лететь. Мы семья, я любить тебя, заплатить и я отдать тебе все, как только прилететь. Доверять мне. Это проверка наш отношений. Мне надо бежать. Как получить посылка, дать знать. Любить тебя. И Джулиан отключил телефон.

Милка была в отчаянии. С одной стороны, какая же она вторая половинка, если при первой же трудности не может

помочь своему будущему мужу, который не поскупился и отправил ей целую коробку дорогущих подарков и денег. А с другой стороны, она уже заплатила и больше денег у нее не было. Она долго сидела молча, уставясь в одну точку, а потом набрала номер:

– Олесь, мне нужно две тысячи евро, срочно!

Глава 12. Старая ведьма.

– А с остальными коровами что? – поднимаясь с крыльца и направляясь к ферме спросил тревожно Гриша.

– За ветеринаром послали, беспокойные они, мечутся, от доильного аппарата отказываются, одна так брыкнула, что у Зинаиды Петровны теперь синяк под глазом. Она, итак-то, с механизмом никак разобраться не может, а тут такое! Хорошо хоть, не сотрясение мозга, копыта-то у этих голштино-фризских, сами видели какие.

– Почему раньше не сообщили? – начинал закипать Гриша, – ведь на ферме постоянно кто-то есть, невозможно же не заметить, что с коровами что-то неладное творится?

– Григорий Ляксеич, гроза какая! А животные всегда беспокойны в такую погоду. Да и на вас с утра, лица нет, уж лишний раз старались не беспокоить по пустякам.

– Да какие же это пустяки, Максим Ил...? – и не успел Гриша договорить, как навстречу им вылетела корова и понеслась стрелой к озеру. А за ней и вторая, и третья...

– Кто выпустил коров? – кричал Гриша, – загоняй их обратно, да что вы рты поразевали, ловите их!

Испуганные доярки бежали с хворостиной к озеру за обезумевшими буренками.

– Максим Ильич, ворота закрывай скорее пока все не разбежались. – крикнул Гриша и рванул на берег. Пахомов бросился наперерез рвущейся на свободу корове и загнав ее обратно в помещение, закрыл двери на засов. – Никому с фермы не выходить! – крикнул он и побежал к озеру помогать дояркам и Грише. Но помогать уже было не в чем. Ошалелые коровы одна за другой неслись по мосткам и бросались в темные воды озера. Не проплыв и трех метров, они шли ко дну, протяжно выпуская последний вздох, и только пузыри поднимались на черной поверхности.

Гриша в ужасе смотрел на то, как жизнь его продолжала рушиться на глазах, а он ничего не мог предпринять. Все летело под откос.

– Ветеринар приехал, пойдёмте, Григорий Ляксеич, тут уже ничем не помочь. Гриша молча направился за Пахомовым. На почтенном расстоянии от них, шли испуганные доярки.

– Это бесы в них вселились, не иначе – шептала Люба, – я от бабки слышала, были такие случаи, ни с того, ни с сего разбегались и, целыми стадами бросались с обрыва.

– Страсти-то какие, батюшки мои, – вторила ей Света, – священника надо, чтоб водой святой побрызгал, да молит-

ву прочитал. Мне заходить туда страшно. Ты видела, что с красной-то случилось?

– Ой, не говори, аж мурашки по коже! Нечисто тут, как у коровы вымя-то высохнуть может за минуту, буквально? Чертовщина какая-то!

– Поговаривают, женушка его у колдуньи была, небось порчу и наложила – так не достанься же ты никому!

Люба перекрестилась, – да что ты городишь? Если б она порчу на него навела, зачем бы она опять заявила-то?

– Как зачем? Посмотреть, как все полетит к чертям собачьим. Отчего она дома-то сидит и не показывается? Должна с муженьком рядом быть, помогать, сочувствовать! А то как сын насупилась и носа на улицу не кажет.

– Да ну тебя, с виду-то она ничего, вроде – покачала головой Люба, – уж поприятнее, чем носатая.

– О чем судачим, девицы-красавицы? – раздался громогласный голос. Доярки в страхе обернулись, перед ними стояла руки в боки Баба Нюра. Света с Любой не могли пошевелиться, лишь моргали испуганными глазами, о крутом нраве Бабы Нюры весь поселок знал не понаслышке, а лично имел «счастье» сталкиваться.

– Что языки проглотили? Как внучка моего песочить за глаза, так как сороки трещите без умолку, а как спросишь вас что-то дельное, так сразу немыми прикидываетесь!

– Анна Николаевна, беда, – прошептала Люба, – коровы утопли.

– Да больные, небось, бешеные – вот и утопли, туда им и дорога! А ну, марш на ферму, делами заниматься, чтоб я вас тут не видела! Лазают по окнам, высматривают, а потом сплетничают по всему селу! – прикрикнула Баба Нюра, а сама отправилась в дом к Анжеле.

Ветеринар Колька Рябой долго ходил от стойла к стойлу, рассматривал коров издали, но подойти к ним не решался. Мертвую голштино-фризскую, завернув в брезент, вынесли поскорее с фермы.

Буренки ревели наперебой, вели себя крайне агрессивно и метались из стороны в сторону.

– Надо бы их веревкой привязать, каждую – крикнул Колька, – боюсь, покалечатся об стенки.

– Ага! Вот ты и привяжи – крикнул ему в ответ Пахомов, – у нас уже одна доярка с фингалом ходим, я к ним не сунусь.

– Может укол сделать? – вмешался Гриша, – успокоительный?

– Тряпку надо мокрую на спину кинуть и лакомство любимое дать, горбушку подсоленную, аль морковку, но разве ж хоть одна подпустит? Да, и говорите между собой тихо, они чувствуют, когда обстановка нервная.

– Может нам еще книжку им почитать? – съязвил Пахомов.

– Вот зря ехидничаешь! Между прочим, знающие люди рекомендуют не только книжку почитать, но и музыку классическую поставить. – подмигнул Колька. Но, боюсь, в дан-

ном случае и это не поможет.

– Надо все пробовать. – не унимался Гриша, – вдруг получится! Есть книжка у кого-нибудь? В ответ стояла тишина, нарушаемая лишь тревожным ревом коров.

Двери фермы резко распахнулись, внутрь влетела Люба с криками: «Пожар! Ларек молочный горит!» Гриша бросился опрометью к лавке с продукцией фермы. Он был закрыт, в такой дождь желающих отовариться не было, но огонь полыхал со всех сторон. Синее пламя охватило мокрую, деревянную конструкцию и пожирало ее прямо на Гришиных глазах. Вывеска «Моцарелла от Заметайкина» дымилась и шипела, готовая вот-вот взорваться.

– Григорий Алексеевич, мы со Светой шли за вами на ферму и тут он как загорится, ни с того, ни с сего, как взметнулось пламя. Батюшки, да что ж здесь такое творится-то? – редела навзрыд доярка. – Бесы кругом, одни бесы!

Ларек стоял у проезжей дороги, на почтенном расстоянии от фермы, к счастью, перекинуться огню было некуда, но за несколько минут от Гришиной лавки остались одни дымящиеся угольки, шипящие от морозящего дождя. Заметайкин не помня себя, побрел к дому, его качало из стороны в сторону, будто пьяного, сердце заходило в груди, а ноги подкашивались. Он с трудом распахнул тугую дверь, еле отдышался и войдя внутрь, тихо сказал Анжеле: – Поехали!

Она сразу все поняла и подхватив бледного Гришу под руку, потащила его к машине.

– Куда поехали? – вскинулась Баба Нюра, вылетая в темные сени- ночь на дворе! Я тебя с этой проституткой московской никуда не отпущу! Чтоб она тебя в лесу укокошила, а денюшки себе прикарманила.

– Баба Нюра, сейчас не время, лучше помолчи. – обернувшись, проговорил Гриша. Голос его начинал наливаться силой, а в глазах появился злой блеск.

– Соколик мой, да как же ты можешь мне рот-то затыкать, своей любимой Бабе Нюрочке?! Кто тебя поддерживал все эти годы? Кто был рядом в трудную минуту? Я ж всем пожертвовала ради тебя! А ты веришь этим шалавам, которые погубить тебя хотят. Мало они тебя обманывали? Ты посмотри, что они с тобой сотворили! Тихо и спокойно жили три года, только на ноги встали, а стоило им заявиться, как все пошло прахом. Коровы обезумели, ларек сгорел, ты весь как лунь поседел! Очнись! Ее надо гнать в шею и на пушечный выстрел сюда не подпускать!

Гриша схватился руками за голову, – Как поседел? И выйдя на свет из темных сеней, взглянув на себя в зеркало, Заметайкин открыл рот, но произнести не смог ни звука. По ту сторону на него смотрел, постаревший лет на десять мужчина, тонкие нити морщин бороздили лоб, а привычные темные волосы с легким налетом седины, сейчас были полностью серыми. Анжела схватила Гришу за руку и потянула прочь из дома. С другой стороны, в Гришу вцепилась хваткая Баба Нюра. Обе тащили Заметайкина в разные стороны,

а он обессилил настолько, что даже не сопротивлялся.

– А ну отпусти, его, старая ведьма! – раздался решительный голос Анжелы.

– Мой он, – визжала старуха в ответ, – не пущу! Прокляну до седьмого колена!

Анжела размахнулась и со всей силы отвесила такие звонкие пощечины Бабе Нюре, что та, опешив, выпустила Гришину руку из своих цепких лап.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Усадив Гришу в машину и напоив его водой, Анжела начала выкручивать на проселочную дорогу, морозящий дождь снова переходил в проливной, а небо то и дело разбивали раскаты грома, на доли секунды, заглушающие непрекращающийся рев обезумевших коров. Чем дальше они удалялись, тем лучше становилось Грише. – Анжела, что это за вонь такая в машине? – растягивая слова, спросил он.

– Гриша, какая сейчас разница? Потом будем разбираться, я с этой вонью весь день езжу.

– Ты помнишь где свернуть надо? Стемнело совсем, и дождь только усиливается.

– Найдем, ты, главное, успокойся, Гриша, все будет хорошо, я обещаю! Анжела погладила его по голове и отвернулась, по щекам ее текли слезы.

За окнами летящей по песчаной дороге машины, была непроглядная тьма, ни одного фонаря, ни одного попутного транспортного средства, ни одного огонька в домах – лишь

сплошной, густой мрак. Анжела петляла по дороге, пытаясь сосредоточиться, она поглядывала на мятую бумажку, которую ей дала продавщица Татьяна, но опознать хоть какие-то ориентиры не было возможности. То, что днем казалось знакомым и запоминающимся, в такой мгле просто терялось. Она помнила, что свернуть с песчанки на лесную дорогу надо за крайним домом слева от последнего живого села. Но, как определить, где это село и последнее ли оно, если в округе не было ни одного источника света?

– Руки немеют – простонал Гриша, ему вновь становилось хуже – как кисель, не чувствую кончиков пальцев.

И он попытался поднять кисти, но они тряслись и падали обратно на колени.

– Потерпи, Гришенька, надо держаться, ты главное не засыпай! Я сейчас печку включу посильнее, ты просто продрог. – срывался голос Анжелы. – мы скоро приедем.

Она с горечью понимала, что не знает куда ехать, да и где они сейчас, она тоже не имела никакого представления. Как только она включила печку, вонь в машине стала просто невыносимой, а из-под капота показалась струйка дыма.

– Гришенька, я сейчас остановлюсь, ты посиди спокойно, а я выйду на улицу, посмотрю, что с машиной. Съехав на обочину, Анжела включила фонарик на телефоне и выпрыгнув из теплого салона в ледящий мрак, пропала из Гришиного поля зрения. Только едва различимый огонек через несколько секунд вынырнул неподалеку. Заметайкин через

силу улыбнулся – она не сгнула в этой темноте и не оставила его одного. Под проливным дождем Анжела открыла капот и обнаружила на радиаторе тлеющую коровью лепешку. От нее шел дым и отвратительный смрад.

– Проклятая ведьма! – крикнула она, а эхо разнесло ее голос по всему лесу. – Я так просто не сдамся! Еще посмотрим кто кого! – голосила она, а ее пронзительный крик подхватывался ветром и несся куда-то вглубь леса, в самую чащу. С этим криком Анжела чувствовала прилив сил, будто организм очищался, исторгая все темное и удушающее, внутрь же поступал свежий кислород, придавая Анжеле уверенности. Немедля больше ни секунды, она схватила голыми руками обжигающую лепешку, зашвырнула ее в высокую траву и вытерев об себя руки, вдруг уловила знакомые очертания последнего живого поселка впереди. Улыбнувшись и крикнув на весь лес:

– Дааааааааа! Получи, старая карга!

Она прыгнула в машину и ударила по газам. Дальше все казалось знакомым, не смотря на бесконечную тьму, даже скрежет веток о двери и крышу машины больше не вызывал дрожь. С первого раза удалось свернуть в нужном месте и вот уже заброшенные и разрушенные сооружения стали проскакивать в оконной мгле. Но Анжела больше не чувствовала страха, будто неведомая сила гнала ее вперед по нужному маршруту. Подъехав к покосившейся избушке, в которой поблескивал еле уловимый огонек свечи, Анжела остано-

ла машину и посмотрела на Заметайкина. Гриша лежал без сознания.

Глава 13 Неожиданное открытие.

– Кать, эти фотки не пойдут, слишком скромные. Нам надо поймать афериста на крючок, зацепить его глянцевой картинкой. Есть у тебя что-нибудь пооткровеннее? – придирчиво листал снимки Миша, – О, вот эта в купальнике то, что надо, смотри, Леш?

Леха бросил беглый взгляд на точеную фигурку Кати в красном бикини на фоне заката и отвернулся.

– Нет? – удивился Миша.

– Фигней страдаете, – буркнул недовольно Леша, – делать вам больше нечего! А ты, Катюха, не боишься, что твой молодой человек тоже на этом сайте сидит и случайно на твой профиль наткнется? Как ты собираешься ему это объяснять?

– Ой, – прикрыла рукой рот Катя, – а я об этом не подумала.

– А, вы девушки, вообще ни о чем кроме денег и смазливых миллионеров не думаете. – развел руками Леша.

– Ребят, я так не играю! – запротестовала Катя, – он меня бросит, я ж потом не отмоюсь от этой истории! Давайте, лучше Олеськины фото выложим, она все равно в разводе.

– Ни за что! – воскликнула Олеся, – а если мой сын меня там найдет? Я это как объяснять буду? Без меня, ребятки!

– Зря ты, Катюха, отказываешься. Заодно и парня своего проверишь, – подмигнул Миша, – а если он там действительно сидит, то зачем тебе такой обманщик, вообще, нужен? Ты подумай! На берегу надо расставлять все точки над и, а не когда уже штамп шарахнули в паспорт. Хочешь я тебе расскажу, как все это в реальной жизни происходит?

– Не хочу! – недовольно бросила Катя.

– Пару годков протяните на страсти и романтике, а вот, когда ты забеременеешь, тогда все самое «лучшее» из вас двоих и попрет со страшной силой. Он свой телефон на пять паролей поставит, да еще и отпечаток пальца, и распознавание лица, чтоб ты туда не залезла, пока он не видит. Да, он его из рук вообще не выпустит, даже в туалет будет с ним ходить.

– Подтверди, Олесь, ты ж была замужем, знаешь, как все это бывает!

Олеся только недовольно отмахнулась.

– Представь себе, ужинаете вы в ресторане, а тут «дзинь» – смс пришла. Открывает он, а там «голая фотка». Понятно, ты в истерике, вино ему в лицо, дома продолжение банкета. Так он, предварительно, авиарижим установит, чтоб «подружки» не отвлекали пока он с семьей. Очень тебе рекомендую, по- дружески, иногда посматривать. Если значок самолета стоит, то поверь, этой авиакомпанией пользуешься не ты одна.

Он конечно же будет всячески оправдываться, что вот

мол, коллеги по работе совсем не дают ему прохода, забрасывают его, несчастного, своими откровенными фотками и сообщениями, а он, конечно же сразу сказал им, что женат и его все это совершенно не интересует, но они не сдаются и продолжают его, бедняжку, атаковать.

– Да иди ты на фиг! – возмутилась Катя. – Мы вообще только встречаться начали, а ты мне уже все желание отбиваешь отношения продолжать!

– Я тебя просто предупреждаю, все через это проходят, как бывалый муж говорю.

– А так, с виду-то и не скажешь, что ты у нас специалист по авиарежимам – покачала головой Олеся.

– Внешность обманчива. – подмигнул ей Миша.

Катя была в замешательстве. С одной стороны, Миша прав, проверить парня не мешало бы, а с другой стороны, меньше знаешь – крепче спишь! Как потом жить-то с этой правдой? Все равно ж не забудешь, даже если простишь.

– Что обсуждаете? – подкралась незаметно Милка. Ребята вздрогнули от неожиданности и молча уставились на нее.

– Все сплетничаете? – подмигнула Ляпунова, – А мне мой Джулиан прислал ролик, как он на вертолете летит через пустыню, хотите посмотреть?

И она протянула свой телефон и запустила видео. Два пилота в шлемах сидели в салоне вертолета. Лица закрыты, внешность разобрать невозможно. За лобовым стеклом простиралась желтая, безбрежная пустыня. Вертолет то снижал-

ся, то снова набирал высоту. Один из пилотов обернулся назад и помахал рукой.

– Это мой Джулиан! – воскликнула Милка, – правда, он красавчик?!

Ребята снова молча переглянулись.

– А второй ролик, где он уже подлетает к буровой станции. Там такие огромные волны. Не смотря на ураганный ветер, снижается прямо на вертолетную площадку и еще какую-то сетку с грузом перемещает! Вот это настоящий мужчина! Не то, что вы – офисный планктон.

Леха сжал кулаки, так что побелели костяшки пальцев.

– А ты уверена, что это вообще он? – спросила Олеся.

Милка опешила, – а кто? Это же Джулиан прислал.

– Да кто угодно! Люди в шлемах, лиц не видно, голос не слышно. Это может быть просто подставное видео.

Милка испепеляла взглядом подругу. – Ну ладно денег не дала, – проскрежетала еле слышно она, – так хоть завидуй молча!

– Было бы чему завидовать! Алладину твоему на ковре самолете или замку из песка? – бросила в ответ, удаляющейся Ляпуновой, Олеся.

«It's a match» – раздался радостный голос.

– Есть! – крикнул Миша, – я же говорил, что сработает! Ну! А вы не верили!

Пара «Кейт – красотка из Москвы» и Джулиан Мейсон совпала.

Милке дали три дня на решение вопроса с деньгами. Обзвонив знакомых, она поняла, что рассчитывать ей не на кого. У всех своих забот хватает, а две тысячи евро хоть сумма и не очень большая, но все же, оказалась, неподъемная. Оставался один выход – кредит. Мысль о том, что она делает что-то неправильно, не покидала ее, но она всячески старалась отогнать это назойливое чувство. Уж слишком сладка была мечта о счастливом и беззаботном будущем, в которое и вложиться-то надо всего самую малость. Вот только где взять эту малость? Как только Милка пыталась заводить разговор о деньгах с Джулианом, тот сразу же злился и обвинял Ляпунову в недоверии к нему, как к мужчине.

– Мы не мочь быть семья, если ты сомневаться в меня! – кричал он ей в трубку, – ты доверять мне, я доверять тебе, иначе ноль. Нет смысл в наш отношения, нет смысл в мой приезд в Москва, нет смысл в наш семья. Деньги ничто. Я отправлять тебе много денег, ты взять все, когда получить посылка. Одна трудность, маленькая и ты уже сдать! Не хотеть верить, что я ошибаться в тебя, но ты вынуждать меня так думать!

Милка натянуто улыбалась, кивала головой, и вообще, чувствовала себя не в своей тарелке. Любые попытки что-то возразить или оправдаться, жестко пресекались канадцем. То, чарующее чувство влюбленности, ожидания чуда и бабочек в животе сменилось не проходящей тревогой, постоянными сомнениями и еще большим враньем всем и вся. Она

не могла допустить, чтобы хоть одна живая душа в офисе догадалась о ее терзаниях, ведь она так расхваливала своего «миллионера», и признаться, что не все так гладко, было равносильно принятию поражения.

– Даже Олеська от меня отвернулась, хороша подружка оказалась! Смеется надо мной вместе с этим офисным сбродом. Вот и делай людям добро, после этого. Ладно, ладно, подруженька моя, драгоценная, настанет и твой черед хлебнуть, вот тогда я к тебе тоже повернусь спиной, да еще с превеликим удовольствием.

Одно дело занять денег у своих и совсем другое дело – брать кредит, да еще с процентами. Так не хотелось влезать в новую кабалу. Милка вышла покурить на балкон. Серые тучи, затянувшие небо беспросветной тяжестью, были сродни ее настроению. Она стояла в задумчивости, вглядываясь в укутанные туманом высоты.

– Почему все хорошее быстро заканчивается? – с горечью думала она, – все -таки с Гришкой было не так уж и плохо. Я хотя бы знала, что от него ожидать. Он сразу и честно сказал, что женат. Разводиться не собирается. Дарил щедрые подарки, брал с собой в командировки в Европу. Относился с уважением. А какие романтические ужины устраивал с охапками цветов и ее любимым розовым шампанским. Милка грустно вздохнула. Все ушло безвозвратно.

– Что я делаю не так в этой жизни? – крикнула она во вселенную, но в ответ лишь стая ворон с пугающим криком

взметнулась в небо.

Она затушила и выбросила сигарету, вытерла рукавом набежавшие слезы и повернулась, собираясь вернуться на свое рабочее место. У дверей стоял Леша. Он пристально вглядывался в Милкины серые, как тучи глаза, видел разводы потекшей туши на ресницах. Ее хрупкую и беспомощную фигуру, так усиленно скрываемую за маской гордой и важной женщины. Всю ее спесь, как ветром сдуло. Милка стояла с опущенными руками, словно беззащитный ребенок.

– Тебе плохо? – спросил тихо Леша.

Милка отмахнулась, говорить не было сил, в горле стоял комок, а глаза снова наполнились слезами.

– Если тебе нужна помощь – скажи!

Он подошел к ней и обнял, прижав, разрывающуюся Милку к себе. Она не отвечала на его объятия, просто принимала их, как данность, пытаясь успокоиться.

– Ты извини, Леш, просто нахлынуло что-то, – всхлипывала Ляпунова, – знаешь, у женщин иногда такое бывает, особенно, когда они в первый раз собираются замуж. Это все от счастья и от волнения, не обращай внимания.

Леша отстранился. Зло посмотрев на Милку, он процедил сквозь зубы

– Дура!

И вышел, хлопнув дверью.

Вечером Милка решила позвонить Грише и попросить денег у него. Поход в банк за кредитом оттягивался до послед-

него. Милка долго собиралась с мыслями, даже набросала небольшую речь на бумажке с извинениями. Сердце бешено стучало в груди, в горле пересохло от волнения, она вдохнула побольше воздуха и стала набирать, недавно заблокированный и убранный в архив номер, но Гришин телефон не отвечал.

–Гришенька, ну пожалуйста, хоть ты не отворачивайся от меня в трудную минуту! – шептала она про себя. Но все было безрезультатно. Гудки тонули в пустоте.

Милку душило отчаяние. Она весь вечер набирала то Гришу, то Джулиана, но результат был один – тишина. Она осталась совсем одна со своими проблемами, и никто не хотел ей помочь.

Милка включила старенький ноутбук, достала из холодильника маленькую бутылку шампанского и налив, игристое в высокий бокал, скрепя сердце, начала оформлять кредит. Процедура была простая и не заняла много времени. Получив заветную сумму на карту, она тут же перевела ее по реквизитам турецкой «таможни» и чокнувшись с экраном компьютера, осушила бокал – «За счастье!».

На душе стало гораздо легче. Приятное тепло разливалось по венам, чувство удовлетворения от выполненной задачи, которая мучила ее несколько последних дней, накрыло ее словно пушистым пледом, и Милка наконец-то заснула, спокойно и беззаботно, тихо улыбаясь во сне.

Но радость была, увы, недолгой. На следующий день она

получила от Джулиана странное сообщение, которое как рукой сняло ее, едва воцарившееся равновесие и спокойствие.

«Моя любовь. Беда. Вертолет рухнуть в море. Я едва остаться жив. Взрыв, это не несчастный случай, меня хотят убить. Это враги. Они хотят отнять мои деньги. Завидовать мне. Я срочно уезжать с буровой и скрываться на некоторый время. Залечь на дно. Я не мочь пользоваться свой сим карт, я не мочь пользоваться свой банковский карт. Они выследить меня и убить. Ты должна мне помочь. Мне нужен деньги. Взять кредит, продать квартира – делать, что хотеть. Но мне нужны деньги, иначе меня убить. Позже я прислать тебе реквизиты банк, ты отправлять мне туда тридцать тысяч евро. Любить тебя. Отдать тебе все, верь мне. Ты моя судьба и моя жизнь. Я не мочь без тебя!»

Ошарашенная письмом Милка сидела, обхватив голову руками в глубокой задумчивости. Денег у нее не было, где их взять – она тоже не знала. Еще один кредит? Но ведь его нужно отдавать! Продать машину? – но на чем она будет ездить? Чтобы заложить квартиру, ее единственную жилплощадь в столице, полученную с таким трудом, не могло быть и речи.

Веселый хохот ребят и громкие возгласы, вернули Ляпунову с небес на землю. Она обернулась в сторону Кати, которая заливисто смеялась и принимала поздравления от коллег. – Что там такое происходит? – подумала Милка, – вроде день рождения у Кати уже прошел. Она подошла к радост-

ным сотрудником и спросила: – Что празднуем?

– Да вот, Катюха замуж выходит! – крикнул Леша, – за миллионера! Прямо эпидемия у нас какая-то в офисе- канадский вирус! Всех женщин подхватывает и уносит в Виннипег на крыльях любви.

Милка недоуменно переводила взгляд с одного сотрудника на другого.

– Дайка посмотреть! – Ляпунова вырвала мобильный телефон из рук Кати. Она листала до боли знакомые фотографии: вот ее Джулиан с двумя собачками- золотым ретривером и черной бульдожкой, вот он на фоне вертолета, в красивой форме с погонами, вот он с клюшками для гольфа в кругу друзей радостно хохочет над чьей-то шуткой, а вот он за штурвалом яхты.

– Откуда у тебя эти фотки? – кричала на весь офис Милка, – ты украла их у меня? Это мой Джулиан! Мои собачки, моя яхта, мой вертолет – это все мое!

– Успокойся, Мила, о чем ты? – непонимающе хлопала глазами Катя, – это мой жених, я с ним познакомилась на сайте «Райские знакомства», он из Канады, пилот самолета. Да вот и письма, на, сама почитай!

И Катя открыла такие знакомые Милке сообщения и протянула телефон. Слово в слово, она знала их уже наизусть.

– Этого не может быть! – голосила Милка. – Это какая-то ошибка! Мой Джулиан, он сейчас в Сохаре, он не может писать тебе, у него нет связи! Это все вранье! Вы специально

это подстроили!

Звук пришедшего сообщения, заставил Милку замолчать. Она открыла смс и побледнела.

«Моя любовь, я скучать, я страдать. Ждать! Чуть-чуть и мы вместе навсегда. Ты моя судьба и моя жизнь. Я не мочь без тебя!»

Милка со всего размаха шарахнула Катин телефон об пол и выбежала в слезах из офиса.

Глава 14 Родная кровь.

Анжела открыла дверь машины и провалилась в густой, тягучий туман. Он обволакивал своим мягким и серым полотном, заполняя каждую клеточку. Вился у ног, словно пучок засохшего выюна. Вокруг ничего не было видно, только, какие-то, смутные очертания брошенных избушек и одинокий огонек, догорающей свечи в окне единственной живой лачуги. Обогнув машину и открыв дверь, Анжела попыталась вытащить Гришу, который оставался без сознания. Несмотря на то, что Заметайкин осунулся и постарел за эти несколько дней, для Анжелы он по-прежнему, был слишком тяжел. Она напряглась изо всех сил, но Гриша просто вывалился из машины и шмякнулся о землю с глухим стуком. Туман окутал и его в ту же секунду. Заметайкин лежал в траве, словно накрытый пуховым одеялом. Анжела хотела нащупать пульс, но он практически не бился. Лоб был холод-

ный как лед и мокрый то ли от росы, то ли от пота. Ее охватил ужас. – Что если уже слишком поздно?

Она схватила Гришу за руки и потянула к покосившемуся, гнилому забору. С трудом дотянув его по земле до калитки, она толкнула ногой еле живые доски, но та не поддавалась. С виду такая ветхая и трухлявая, на деле оказалась непробиваемой броней. Она держала оборону наглухо и не давала Анжеле попасть внутрь.

– Да что ж за чертовщина такая? – воскликнула она.

Пнув калитку несколько раз ногой, она заколотила руками, что было силы, но в ответ раздавался лишь глухой стук, будто она била в пуленепробиваемую дверь. Анжела обессилила и готова была разрыдаться от беспомощности.

– Эээээйййй! Откройте мне, пожалуйста!

Она бегала вдоль забора и махала руками, пытаясь привлечь внимание старухи, но та не подавала никаких признаков жизни.

– Откройтеееее! Мне очень нужноооооо! – ее голос срывался на плач, – Гриша умирает! – опускаясь рядом с ним на траву, простонала Анжела. По щекам ее текли ручьи слез, а в ответ – лишь звенящая тишина, даже эхо отказывалось отвечать. Она подтянула Гришу к себе, обняла его и словно маленького ребенка начала качать, гладить по седым волосам и шептать что-то ласковое на ухо. Анжела чувствовала, что силы покидают ее мужа, невидимо утекают из его тела. Он становится холодным, как камень.

– Гришенька, только не уходи! – причитала она. И тут калитка со скрипом распахнулась, и Анжела вместе с Заметайкиным ввалились в заброшенный сад.

Встав на ноги и отряхнувшись, Анжела повернулась лицом к дому и уперлась в пронизывающий взгляд колдуньи. Она не видела ее полностью, но ощущала, что та стоит на пороге и сверлит ее глазами.

Не теряя больше ни минуты, Анжела подхватила Гришу и поволокла его в избушку. Старуха молча отступила в сени, пропуская их внутрь. Только затащив Заметайкина в комнату, Анжела наконец смогла разогнуться и вдохнуть в полную силу. По лицу ее катился пот градом. Старуха Авдотья следила за ней серыми, водянистыми глазами. Затем открыла беззубый рот и подняв левую руку вверх, проскрипела:

– На стол!

– Что? – переспросила Анжела.

– На стол! – прокатилось по комнате, и старуха проворно влетела в комнату, захлопнула за собой дверь, и одним махом сорвала дырявую, вязанную скатерть. Ткнула скрюченным пальцем с длинным желтым ногтем прямо в сердцевину стола и кивнула головой.

Анжела подхватила Гришу и на этот раз он показался ей совсем легким, она даже удивилась. А потом ее накрыла лавина ужаса: – Неужели жизненные силы настолько быстро уходят, поэтому он и становится таким невесомым?

В груди все похолодело, ноги онемели, а во рту пересохло

настолько, что невозможно было сглотнуть. Шершавый язык облизывал потрескавшиеся губы словно наждачная бумага, лишь еще больше раня их. Анжела почувствовала вкус крови.

– Раздевай его! – неожиданный скрип снова прокатился по комнате и вырвал Анжелу из прострации.

Она бросилась к Грише, стягивая с него на ходу перепачканную одежду. Мокрые джинсы будто вросли в тело и никак не хотели сниматься. Пуговицы на рубашке склеились с дырками и отказывались расстегиваться. Тогда Анжела рванула, что было сил и стащила с бездыханного Заметайкина. Старуха, отвернувшись к шкафу, громко рылась в ящиках. Она доставала какие-то сухие пучки с травой, мешочки с непонятным содержимым, треснутую грязную банку с сухими когтями и несколько лучин.

– Зажигай и ставь свечи к каждой конечности!

Сама при этом, запалила самую большую и водрузила ее у Гришиной головы. Колдунья схватила с пола большой веник, собранный из разных трав и веток и подожгла его. Дым окутал комнату, наполнив ее таким смрадом, что Анжела почувствовала тошноту. Этот запах невозможно было передать словами: жженое дерево и трава вперемешку с удушливой вонью паленого мяса. Колдунья ходила вокруг Гриши, обмахивая его дымившим веником. И только, когда Авдотья проходила мимо Анжелы, та смогла разглядеть, что же испускало такой отвратительный запах. В середине была лапа,

покрытая короткой шерстью какого-то копытного животного. Она тлела, наполняя комнату невыносимым духом. Авдотья что-то бубнила себе под нос и обмахивала Гришу с головы до ног. От дыма щипало глаза и воздуха катастрофически не хватало. Анжела задыхалась. Гарь проникала в легкие, наполняя глотку жжением и тошнотворным привкусом. Хотелось все это исторгнуть побыстрее, но не было возможности. Колдунья начала бить истлевшим веником Гришу по груди, при этом ее бормотание становилось все громче и монотоннее. Капли крови показались на коже Заметайкина, но признаков жизни он по-прежнему, не подавал.

Анжела потеряла счет времени, ее не покидало ощущение, что они находятся тут уже целую вечность. Она настолько устала от всех переживаний и физической нагрузки, что чувствовала себя выжатой как лимон. Анжела готова была упасть на пол и заснуть. Время шло, но никакого улучшения не наступало.

– Что с ним? – прошептала Анжела, но старуха, не обращая внимания на вопрос, продолжала выполнять свои манипуляции словно находилась в трансе. И тут, грудь Гриши приподнялась, как будто большой ком шел изнутри. Что-то круглое двигалось вверх по желудку, сквозь ребра, потом через глотку. Наконец, изо рта Заметайкина вырвался белый дымовой шар.

– Окно! – крикнула старуха.

Анжела бросилась к покосившимся ставням и распахну-

ла их настезь. В комнату ворвался свежий воздух, наполняя легкие кислородом. Белый шар парил в воздухе, Авдотья гнала его обугленным веником к распахнутым створкам. Ветки проходили сквозь шар, словно через густой туман, не причиняя ему вреда. Лишь колебания воздуха, создаваемые веником, направляли его неизбежно прочь из дома. Как только шар оказался снаружи, колдунья трижды прочертила лучиной крест и с грохотом захлопнула окно.

– Что это было? – прошептала в ужасе Анжела.

Старуха подняла руку вверх и злобно бросила взгляд в ее сторону. Губы тут же онемели и перестали слушаться.

Затем колдунья вытащила из кармана фартука кусочек мела, и начала очерчивать кривой овал вокруг стола с телом Гриши. Она долго ползала согнувшись, пытаясь сделать рисунок как можно ровнее, но сор на полу и большие трещины в рассохшихся досках то и дело разрывали круг.

– Лучину – выкрикнула она так, что Анжела вздрогнула.

Старуха капала себе на морщинистые, желтые ладони топившейся воск, скатывала его и заделывала трещины. Когда стеарин застывал, Авдотья проводила по нему мелом, восстанавливая целостность линий. Анжела бросилась помогать. Жидкие капли лились ей в ладони, обжигая нежную кожу, но она терпела, стиснув покрепче зубы и заделывала щели, наравне с Авдотьей. Замазав последнюю прореху, старуха с трудом разогнулась, хватаясь за поясицу.

– Сядь – проскрипела она, показывая рукой на пол. Анже-

ла послушно опустилась на грязные доски у печки, прислонившись спиной к холодной поверхности. Она чувствовала себя совершенно разбитой, все тело налилось свинцовой тяжестью, а глаза закрывались сами собой.

– Одно проклятье я сняла, – продолжила старуха, усаживаясь на покосившейся стул, – оно слабое совсем, шарлатаном сделано. Твое счастье.

Анжела облегченно выдохнула.

– Но, самое трудное впереди! Второе наложено близким человеком, который обладает большой силой и невероятной злостью. Вся эта бушующая энергетика находится в теле твоего мужа и вытащить ее оттуда будет очень непросто. Это разрушительная сила сжирает его изнутри, по миллиметру поглощая все светлое и хорошее, заполняя организм ядом. Он уже отравлен, поэтому и не приходит в сознание. От родных самые мощные токи идут, они наносят наибольший урон. Крепкая, ничего не скажешь. Делала в полнолуние на кладбище, кровь жертвенную проливала, присыпала землей с могилок. Из дома надо все горшки с цветами убрать. Сжечь их! Почва там с кладбища лежит, источает смрад, посылает чувство необъяснимой тревоги, беды приносит.

– А с Гришей-то что делать? – с трудом выдавила из себя Анжела, заплетающимся языком.

– Кровь твоя нужна – бросила старуха, – если только любишь его на самом деле, тогда должно помочь. А если нет – я бессильна.

Анжела сидела, привалившись к печи, парализованная страхом. На ее изможденном лице стали появляться мелкие морщины, будто зараза, что поела Гришу изнутри, перекидывалась на нее. Она закрыла обеими руками лицо и застонала.

– Дурной крови может противостоять только кровь, в которой живет любовь, бескорыстная и чистая. Тогда я могу попробовать что-то исправить. Если нет в тебе таких чувств-лучше уходи. Помочь ему больше ничем.

Некоторое время Анжела молчала, собираясь с мыслями, а потом протянула руку старухе и прошептала: – Режь!

Колдунья усмехнулась и с трудом поднявшись с трухлявого стула, полезла снова в шкаф. Безразличие окутывало Анжелу, неизбежность происходящего утверждалось в ее голове. – Будь, что будет! – решила она для себя. Старуха повернулась к ней лицом, в руках был зажат огромный ржавый тесак. Воцарилась немая тишина, обе женщины смотрели друг на друга, будто набираясь сил перед последним рывком. Раскат оглушительного грома прокатился по небу, а затем и вспышка молнии залила ярким светом всю комнату. Дождь обрушился на покосившуюся избушку, будто молотком отбивая ритм по крыше. Сильнейший раскат грома заполнил собой все пространство, и обе женщины одновременно обернулись к двери. В распахнутом проеме стояла массивная фигура и зловеще хохотала. Последнее, что запомнила Анжела, прежде чем провалиться в обморок, это лицо Бабы Нюры,

исказившееся в чудовищной гримасе.

Глава 15 Иногда людям надо давать шанс!

Милка не появлялась в офисе уже неделю. Взяла больничный, забаррикадировалась в своей однушке в Свиблово и не отвечала на телефонные звонки. Занавесив ночные шторы и укутавшись в одеяло, она проводила все дни лежа в кровати. Полоса тотальных неудач и навалившийся упадок сил, привели ее к полнейшему разочарованию в жизни. Ей, не столько было обидно, за то, что все, вот так, рухнуло в одночасье, сколько за чувство стыда и глупости, которых она простить себе не могла. Ведь не девочка уже неопытная, чтоб так попасться на крючок. Были же тревожные звоночки на протяжении всего общения с этим канадским аферистом, почему же интуиция ее подвела? Ужасно нелепо все получилось! Но, прошлого не вернуть! Милка решила дать себе время выплакаться, пережить всю боль очередной неудачи в полной мере, подняться и пойти дальше, как ни в чем не бывало. Привлечь мошенника официально к ответственности не представлялось никакой возможности. Она добровольно перевела деньги «турецкой таможне», от своего имени взяла кредит – ее никто не заставлял этого делать и доказать что-то обратное было нереально. Но все ж, очень хотелось насолить несостоявшемуся мужу. Поэтому Милка решила сделать вид, что ничего не произошло, и она активно участвует

в операции по спасению своего будущего супруга «миллионера».

«Моя любовь, конечно же я не могу оставить тебя в беде. Ты моя судьба, моя вторая половинка, мужчина моей мечты! Я так тебя люблю! Верь мне. И если с тобой что-то случится, я не смогу этого пережить. Вместе мы справимся с любыми невзгодами. Я продам квартиру и машину, возьму кредит – самое главное, чтобы у тебя все было хорошо! Разве может быть иначе, когда люди любят друг друга, по-настоящему? Ведь нас свела судьба!» – строчила Милка письмо Джулиану. Налив, как можно больше, сопливых признаний, неземных чувств, которых она не испытывала ни к кому и никогда, кроме него и пообещав, буквально, достать звезду с неба, ради любимого, Милка довольно ухмыльнулась и отправила мейл. Настроение резко улучшилось, сразу захотелось встать с постели, принять обжигающий душ, привести себя в порядок и выпить бодрящего кофе. – Если не получится наказать тебя, дружок, законным путем, так уж нервы я тебе потреплю изрядно! Что – что, а это я умею! – подмигнула сама себе Милка в зеркало.

Пока Ляпунова нежилась под горячими струями воды, делала омолаживающие и питательные маски, скрабила тело молотыми кофейными зернами и вообще, наводила марафет, телефон ее разрывался в беззвучном режиме. Канадец, почувствовав, что рыбка не просто схватила приманку, а заглотила крючок по самые жабры, решил личным звонком

подкрепить боевой дух жертвы, но та не подходила к телефону. Аферист не сдавался, если ему что-то было нужно, он шел напролом и до победного конца. Терять-то было нечего. В эту историю он не вложил, ни копейки, а приобрести мог немало, за счет очередной, глупенькой дурочки, верящей в чудеса и сказки.

Распаренная, розовощекая и посвежевшая Милка с тюрбаном из махрового полотенца на голове, выплыла из ванной и направилась в спальню в поисках телефона. Тут-то она и обнаружила семнадцать пропущенных от мистера Мейсона.

– Ну, сволочь, подожди у меня! – погрозила она пальцем, – когда мне нужно было с тобой поговорить – так в ответ тишина, а как почувал, что можно пожить, сразу и телефон заработал, и связь появилась, несмотря на врагов. Да, и разница во времени куда-то улетучилась – фантастика!

Телефон снова надрывно загудел. Милка выждала секунд пять, выдохнула и нажала «ответить».

– Привет, любовь моя! – закричала она весело, махая ему рукой, – Я так рада тебя видеть. Как твои дела?

– Мой дела просто ужасно! – воскликнул мистер Мейсон, – ты не видишь кровь на мой щека?

– Ой, – воскликнула Милка, приблизив лицо к экрану, в попытке разглядеть подтеки на скуле канадца, – а это кровь? Я думала кетчуп. Обляпался, мой зайчик! Надо аккуратнее кушать!

– Это плохой шутка! – начинал закипать канадец, – я в

опасности, меня мочь убить любой момент. А ты смеяться? Я рисковать жизнь ради нас!

– Ради нас? – удивилась Милка.

– Конечно, ради нас! Если меня убить, кто быть твой муж? Кто брать вся забота о тебя? Кто избавить тебя от всех проблем? Кто любить и оберегать тебя? Кто дарить тебе дорогой подарок и возить в путешествие?

– Ой, точно, ты извини меня, дурочку – воскликнула Милка, – от любви совсем крыша поехала!

– У меня мало время. Ты получить посылка с деньгами?

– Нет.

– Как нет? Этого не мочь быть! – Кричал канадец, – Ты заплатить сколько они просить?

– Конечно, любимый! Я уже дважды заплатить сколько они просить, но они хотеть еще! – передразнила Милка Джулиана.

– Значит, найти еще! Почему я должен сто раз говорить тебе одно и то же? Мы семья или нет?

– Конечно, мы семья, любовь моя, но мне неоткуда взять еще денег.

– В посылка 250 тысяч доллар! Получить и взять оттуда все. Продать подвеска «Жопард», она стоить много денег – бриллиант! Золотой роза кольцо, техника последний модель! Ты что не верить мне?

– Конечно верить, дорогой! Я верить только тебе и никому больше в эта жизнь! Я сделать все, продать квартира, маши-

на – все! Не переживать! Надо просто немножко подождать!

– Я не мочь ждать! Меня мочь убить в любой минута! Ты достать тридцать тысяч доллар, что я просить?

– Дорогой, я отправила заявку в банк, жду одобрения кредита, сохраняй спокойствие. Нервные клетки не восстанавливаются, а ты мне нужен здоровым! – подмигнула Милка.

– Не мочь сохранять спокойствие! Торопи банк, продавай все, мне нужны деньги сегодня, меня убить! У меня нет ни один доллар, я не есть уже два дня.

– Бедняжка! – схватилась за сердце Милка, – «Же не манж па сис жур!» – вспомнила она реплику из знаменитой советской комедии.

– Что? – переспросил недоуменно канадец.

– Твоя боль – это моя боль! Я чувствую все твои мучения, любовь моя! Я с тобой! Знаешь, как говорил вождь мирового пролетариата? – «Душой я с вами, на каторге в Сибири, а телом, к сожалению, здесь, в Цюрихе в гостинице».

– Ты смеяться надо мной? – сверкнул глазами Джулиан, – теперь я начинать понимать, что ошибаться в тебе! Судьба так несправедлив ко мне! Я всегда был честен со всеми, поступать по совесть, а что получить в ответ? Опять обман! Опять предательство! Женщин – все одинаковый! Вам только деньги, доллар! Много, еще! Нет сердца, нет совесть, нет любовь – только деньги!

Канадец чуть не рвал волосы от злости. Осознание того, что Милка его раскусила, и просто издевается над ним, стало

таким четким и ясным, что он побледнел. Еще одна рыбка сорвалась с крючка, прямо у самой лодки.

– Что ты?! – вскрикнула Милка, – неужели ты не видишь слезы, бегущие по моим щекам? Мое сердце разрывается на части от разлуки с тобой! Моя любовь, я скучать, я страдать. Ждать! Чуть-чуть и мы вместе навсегда. Ты моя судьба и моя жизнь. Я не мочь без тебя! – выкрикнула Ляпунова такую знакомую для мистера Мейсона фразу, а затем подмигнула ошарашенному канадцу и отключила телефон.

Радости Милки не было предела, она скакала по квартире, довольно потирая руки. – Ну и рожа у него была! – кричала Ляпунова, – так тебе и надо, сволочь канадская! Будешь знать, как пудрить мозги русским женщинам! Хрен тебе, а не тридцать тысяч долларов! Два дня он не ел, скотина, того гляди, морда треснет, в экран еле вмещается! Господи, ну я-то куда смотрела с самого начала? Это ж надо было так лохануться! У него ж на лбу написано «Аферист», еще небось и в тюрьме сидел, рожа у него какая-то уголовная. Ужас! Бог отвел в самый последний момент, не иначе!

– Да, конечно, денег уже не вернешь! Но и сумма не столь велика, все могло быть гораздо хуже, не откройся вовремя глаза. Эх, и все-таки, кто-то там сверху меня оберегает! Считай, вышла сухой из воды!

А перед девчонками как неудобно получилось! – подумала вдруг Милка.

В уголке скромной кофейни напротив офисного здания

компании «ТрастинГодбатИнвест», Милка радостно потягивала капучино. Олеся с Катей молча сидели напротив и недоумевали, вдруг преобразившейся Ляпуновой.

– Катюш, ты прости меня – тихо выдавила из себя Милка, – за все! И за телефон тоже! Я тебе новый куплю, обещаю, только со следующей зарплаты, ладно? Сейчас с деньгами совсем туго, после всей этой истории. Еще, кредит надо выплачивать. Да, обул меня этот «миллионер», ничего не скажешь!

Катя понимающе кивнула и погладила Милку по руке.

– Капучино-то на миндальном молоке пьешь? – подмигнула Олеся.

Милка смутилась, а потом прыснула со смеху.

– Между нами говоря – гадость редкостная. – прошептала Ляпунова.

– Не то слово! – поддакнула Катя, – классика надежнее!

– Олеся, ты тоже меня прости! Я понимаю, что ты, с самого начала, пыталась открыть мне глаза, но я как будто под гипнозом была, так поверила во всю эту чушь, что совсем потерялась в реальности. Знаете, девчонки, так хотелось верить, что вот он – мужчина моей мечты, посланный мне за все мои страдания и мучения. Какая же я дура! Так наивно проколоться. Стыдно, вы себе даже представить не можете, как!

– Все хорошо, Мил, мы все видели в каком ты состоянии, и не одна я пыталась тебя вразумить. Миша с Лешей тоже

принимали в этом самое активное участие. Поверь, если б нам было все равно, мы бы даже пальцем не пошевелили. Все наладится, вот увидишь, просто будь добрее немного, уж очень ты жесткая бываешь, а к некоторым, относишься с явным пренебрежением. Иногда, людям надо давать шанс, а иначе, как ты узнаешь их на самом деле?

– Я вот только недавно, дала одному шанс и получила в ответ! – воскликнула Милка.

– Ну, от этого никто не застрахован! – развела руками Катя, – кстати, мы тут этого «миллионера» всем отделом сейчас до кондиции доводим! Аферист он знатный, конечно! Неудивительно, что ты ему поверила! Боюсь, что я бы тоже попала на эту удочку, если б заранее не знала всей истории. Красиво поет, собака!

– Прости, Катюш, но я ничего не хочу знать об этой вашей «операции». Слишком живы еще воспоминания. Я его, конечно, отбрила по полной, но осадок остался.

– А я не об этом, – заметила Олеся, – я вообще-то, про Лешу говорила, а вы куда-то не в ту степь опять ушли. Ты вот, хорохоришься, относишься к нему как к мужику второго сорта, а он, между прочим, переживал за тебя, искал варианты, как тебе помочь! Да и вообще, постоянно интересуется что с тобой, да как!

Катя недоуменно посмотрела на Олесю, но та пнула ее ногой под столом.

– Он парень-то неплохой, ты бы пригляделась, это я тебе,

как подруга советую!

Повисло неловкое молчание. Милка крутила чашку, потупив глаза. При одной мысли об отношениях с Лешей ее мутило.

– Ладно, Милуш, нам пора в офис возвращаться – допивая кофе, сказала Катя, – давай и ты завтра выходи! Хватит дома сидеть!

– Вот-вот! Мы тебя в обиду не дадим! – подмигнула Олеся.

Поставив будильник на 07:00, Милка готова была уже выключить торшер, как неожиданный звонок в дверь, заставил ее подняться и выйти в коридор. Она нажала кнопку видео на домофоне, чтобы посмотреть, кого это принесла нелегкая в такой поздний час. На пороге стоял Леша с огромным букетом белых роз. Он переминался с ноги на ногу, то смущенно поглядывая в камеру, то одергивая сваливающуюся на лоб челку, то поправляя цветы в букете. Его нервозность передавалась даже на расстоянии. Милка недоуменно смотрела в экран и не знала, что делать.

– Только тебя мне сейчас и не хватало! – подумала грустно она.

– Открыть или не открывать? – вот в чем вопрос!

Глава 16 Ну и родственнички!

– Ах ты, старая мумия, так и знала, что без тебя здесь не

обошлось! – визжала Баба Нюра, – еле успела, пока совсем моего Гришеньку не угробила, ведьма проклятая! Одна потаскуха наложила не него непонятно что, теперь другая взялась за дело! Ну я вам сейчас устрою!

Авдотья стояла руки в боки, заслоняя проход. Ее высохшая, скрюченная фигура, казалась легким перышком на пути у бронепоезда под названием «Баба Нюра». Но внешний вид был обманчив. Тяжелый взгляд колдуньи испепелял дверной проем в попытках загипнотизировать крепкую старушеницу. Авдотья подняла руку вверх, в уже привычном жесте молчания, но на Бабу Нюру это колдовство не действовало. Она продолжала орать, что есть мочи.

– Мало того, что у супруга моего всю мужскую силу забрала, шарлатанка хренова, так теперь за внука взялась? Извести весь наш род Заметайкиных хочешь? Стерва проклятая! Напустила про себя слухов по всему селу, чтоб народ за километр обходил твою халупу, но со мной этот номер не пройдет! Я в твою мистику не верю и тебя не боюсь, змея подколотная!

Авдотья по-прежнему молчала и с места не двигалась.

– А с этой-то малахольной что? – указывая на лежащую у печи Анжелу, спросила Баба Нюра и попыталась протиснуться внутрь комнаты. Но, колдунья стояла намертво.

– Лучше отойди, гнилушка старая! Я ведь не посмотрю, что из тебя уже труха сыплется, зашибу и глазом не моргну! – процедила сквозь зубы Баба Нюра и не дожидаясь ответа,

засадила колдунье прямо в лоб кулаком.

Авдотья недоуменно выпучила глаза, закрипела и повадилась ничком на пол. Баба Нюра перешагнула через нее и зачерпнув ковшом воду в деревянной кадке, плеснула Анжеле в лицо.

– Давай же, приходи в себя! Навязалась на мою голову, шалава московская, теперь еще и тебя спасать надо. Господи, все самой приходится делать, ну и молодежь пошла, чуть что, так сразу в обморок шарахаются.

Анжела хватала жадно воздух и непонимающе вертела глазами. Калейдоскоп событий проносился у нее в голове, но лишь только еще больше запутывал и без того, измученное сознание.

– Поднимайся! – трясла ее Баба Нюра, -Ну же! Времени осталось совсем мало! Бежать надо, пока эта знахарка, черт бы ее побрал, в себя не пришла! Зачем ты только сюда вообще полезла?

– Вы же сами мне про нее рассказывали. Она одно заклятье с Гриши сняла – еле слышно лепетала Анжела, – еще одно, самое сильное осталось, родным человеком наложенное.

– Я тебе дома расскажу, каким родным человеком оно наложено.

– Не трогайте меня и Гришу оставьте в покое. Я все знаю! Не надо мне ничего рассказывать. Это ваших рук дело! Никого у Гриши, кроме вас не осталось. Вы мне голову не заморочите своими сказками, только Авдотья может спасти его

и моя кровь.

– Ну и дура ты! – ухмыльнулась Баба Нюра. – Тоже поверила в эти рассказы? Очнись, она укукошит и Гришу, и тебя заодно. Всю твою кровь выпустит и в лесу труп закапает, так что ни одна живая душа не найдет, будто тебя здесь никогда и не было. У нас с ней свои счеты, родовые.

– Как это? – ошарашено вскинула глаза Анжела на Бабу Нюру.

– Не время сейчас ничего объяснять. Поднимайся же скорее. Я беру Гришу за руки, ты – за ноги и понесли в машину. Ничего из вещей не трогай, поняла? Не вздумай ничего отсюда унести!

Анжела испуганно кивнула и спорить больше не стала. Она с трудом поднялась, будто в тумане. Голова кружилась, в ушах гулко звенело. Подобравшись к ногам Гриши, она ухватила их и следуя за Бабой Нюрой, как на буксире, потащила Заметайкина к машине. Споткнувшись на пороге о лежащую без дыхания колдунью, она чертыхнулась и чуть не упала, но Баба Нюра так злобно зыркнула на нее, что Анжела тут же собрала всю свою волю в кулак и понесла Гришу дальше.

– На траву его клади и открывай дверь. Постели на заднее сидение что-нибудь, хоть кофту свою. Скорее же, что ты ползаешь, как черепаха?

– Мне плохо – шептала Анжела, – голова как в тумане, ничего не соображаю.

– Конечно в тумане, ты б еще подышала ее вонючими ве-

никами и совсем очоурилась бы. Эти травы, что она жгла, галлюцинации вызывают и сознание изменяют. От них человек с ума сойти может. Скажи спасибо, что я вовремя подоспела.

– Да, кстати, а как вы сюда попали? Мы на машине еле дорогу нашли?

– Гришу грузи, а не языком трепи! – огрызнулась Баба Нюра.

Анжела бросила на нее недовольный взгляд. Молча, втащила бездыханного Заметайкина на заднее сидение и захлопнула дверь.

– Разворачивай автомобиль и жди меня. – бросила Баба Нюра и направилась обратно в дом колдуньи. Анжела покорно села на водительское сидение и вывернув на дорогу уставилась в зеркало заднего вида.

Баба Нюра исчезла в недрах покосившейся избы, громко хлопнув дверью. Закрылась ставня, распахнутого окна. Занавески снова появились на окнах, так что разглядеть, что происходило внутри не представлялось никакой возможности. Не прошло и пяти минут, как массивная фигура Бабы Нюры вновь выплыла из дома, затворила за собой дверь, затем и калитку, уселась в машину и злобно зыркнула на Анжелу.

– Ну чего вылупилась-то? Поехали!

Анжела замешкалась, потом глубоко вдохнула и нажала на газ. Из последних сил, она пыталась сосредоточиться.

Сворачивая с лесной дороги, она бросила взгляд в зеркало. Разгорающееся пламя пожирало дом знахарки Авдотьи.

У фермы стоял Пахомов с ветеринаром, словно поджидая их. Анжела открыла дверь машины и буквально вывалилась из нее. Облокотившись на капот, она никак не могла надышаться. Дождь перестал моросить, на небе разошлись тучи, а от земли поднимался едва различимый туман. Дух мшистых болот наполнял воздух невероятным ароматом, сдобренным свежестью озерной воды. Хотелось просто опуститься на землю, вдохнуть кислород и стереть из памяти все события последних дней. Но такую роскошь позволить себе было нельзя. Анжела еле доползла до крыльца, хорошо хоть сейчас не нужно было тащить Гришу на себе. Она выбилась из сил окончательно.

Баба Нюра вовсю орудовала в доме. Уложив Гришу на кровать, вливая ему в рот по чайной ложке какую-то жидкость, она укрыла его теплым одеялом и выгнав всех, кроме Анжелы, суетилась у плиты, заваривая чай.

– Может вы хоть сейчас расскажите мне, что все это значит? – взмолилась Анжела.

– А что тут рассказывать? – обернулась Баба Нюра, – не надо было тебе соваться к этой ведьме. Ты сама чуть не погубила нас всех.

– Но ведь Гриша в опасности! Надо что-то делать!

– С Гришей все будет хорошо, поверь мне на слово. Я тут все вымыла, горшки с цветами выкинула, все продукты, на

всякий случай тоже. Поэтому, не обессудь, один чай остался. И с тобой теперь тоже все будет хорошо, не о чем не думай!

– А как же проклятье?

– Не будет больше никакого проклятья. Отравился он, а знахарка эта, как вы ее все называете, ему еще яда подбавила, спасибо тебе! Эта Авдотья-то – сестра наша третья. Аграфена, Авдотья, да Анна – все на А. Только мы это всегда скрывали, в особенности, когда она чудить начала. Переехали с того хутора в Скорынево. Я вначале думала, что она действительно даром каким-то особенным обладает, у нас ведь и мать лечила травами, и бабка. По-родственному, помочь может. Обратилась к ней, в итоге муж мой, Пашка, вернулся, вот только детей бог не дал. Оказывается, извести весь наш род решила, чтоб продолжения ни у кого не было ни по женской линии, ни по мужской. Простить не смогла, что мы от нее отказались. А как не отказываться-то было? Все село от нас шарахалось, думали, что мы ведьмы, чуть дом наш не сожгли. Что было делать? Так и переехали. А потом, и весь тот хутор стал пустеть, пока Авдотья там одна не осталась. Видимо, обиду на нас затаила, старая карга. Решила мне внука ужокошить. Пусть теперь сама горит в аду!

– Зачем вы дом-то подожгли?

– Кто дом поджог? Ты, деточка, надышалась видно травой какой-то! Я только окно закрыла, да дверь, чтоб эту мумию там не продуло, пока она в себя приходит после нашего разговора. Это, наверное, лучина упала, вот все и полыхнуло.

Давно ее предупреждали, что надо электричеством пользоваться, как все цивилизованные люди. А она свечки, да свечки – вот и погорела, жаба пучеглазая!

– А откуда она про меня-то знала?

– Аграфена, мать Гришина, пока жива была, к ней тайком ходила, да рассказывала про сынка, как он там в Москве устроился. Переживала очень за него, а поделиться не с кем, муж только рукой отмахивался. Авдотья-то по картам мастерица, как раскинет, так все ей и скажет, что там у него: неприятности ль в казенном доме или известие от бубновой дамы. Чушь собачья, конечно! Но, Аграфене все ж спокойнее было. Потом, начала хвастаться, что сынок на работе в хорошей фирме начальником служит, что женился на богатой москвичке. Смекаешь, как на это ведьма наша реагировала? Но разве ж Аграфене можно было что-то объяснить? Сестра – родная кровь. На гадости не способна. А та только злость больше в душе таила, да завидовала. Как Аграфена умерла, так поток информации и прекратился, все затихло, и колдунья наша умолкла. Мы хоть вздохнули спокойно! А три года назад, как Гриша-то, приехал, опять вылезла. Радовалась, конечно, что ничего у него в Москве не вышло, вернулся ни с чем. Может она чего и сделала, чтоб его отовсюду поперли, поди теперь разбери? Через него и на тебя могло перекидываться, муж и жена- одна сатана! А, как ферма пошла на лад, так давай вынюхивать, да козни строить и сплетни сводить, ну вот и добралась видно, старая мумия. Надо

было мне ее раньше прижучить!

– Сумасшедший дом какой-то! – застонала Анжела, – я ничего не понимаю.

– А и не надо! Главное, что все живы и здоровы! Ларек новый отстроим, коров еще купим. Сейчас, главное, Гришеньку выводить. Ослаб он сильно. Стерва эта, видно и в дом залезала. Я пока убиралась, что только не обнаружила. И гвозди ржавые в бревнах, и иглы, и трава какая-то сухая, рассыпана. Черт знает, что она еще тут творила.

– А Грише, что скажем?

– Мозгами шевели, что ж я тебя всему учить-то должна? Ты женщина или кто? Незачем ему в этих бабских делах разбираться. Мужики-то они только с виду сильные, а так – то нервы, ни к черту. Чуть перенапрягся и привет! Зачем нам это надо? Я вообще-то, еще правнуков хочу понянчить!

Анжела закрыла лицо руками.

Гриша не приходил в себя три дня. То метался по подушке с дикими стонами, то трясся мелкой дрожью, то затихал так, что Анжела подносила к его рту складное зеркальце, проверить дышит ли он вообще. Баба Ньюра каждый день отпаивала его отварами и травами. Обтирала его мокрой тряпкой, делала пахучий компресс на лоб. Анжела потихоньку втягивалась в хозяйство. Ей даже стало нравиться сидеть подолгу на мостках у озера, опустив ноги в прохладную воду, не спеша мыть посуду и наблюдать за тем, как ветер гонит пушистые облака. Все здесь было такое тихое и спокойное. Время

словно замирало и превращалось в бесконечность.

Под вечер четвертого дня, Гриша наконец-то очнулся. Баба Нюра, выполнив каждодневные процедуры, удалилась ночевать к себе, оставив Анжелу следить за Заметайкиным. Сидя на стуле и листая какой-то древний журнал, она услышала шорохи и стон, доносившиеся с кровати. Гриша открыл глаза и озираясь по сторонам в недоумении.

– Что со мной? – прошептал он еле слышно.

– Все в порядке, Гришенька, переутомился просто, в обморок упал.

– А колдунья? А проклятье?

– Какая колдунья? Какое еще проклятье? Ты три дня в беспмятстве лежал, все бредил, вот, наверное, и привиделась тебе колдунья. Все хорошо, не переживай!

– А с Бабой Нюрой?

– И с Бабой Нюрой все в порядке. Она тебя отваром попила и ушла к себе ночевать. Завтра утром опять придет.

– Хорошо, – успокаиваясь проговорил Гриша. Он немного помолчал, приходя в себя, а потом пробормотал:

– Ты только не уходи, не бросай меня одного, ладно?

Анжела погладила его по голове и улыбнулась.

– Я теперь никуда не уйду! Все будет хорошо, я обещаю!

– Спасибо тебе, я и не думал, что ты меня, буквально с того света вытянешь.

– Заметайкин, ты чего? Это ж моя прямая обязанность жены! – подмигнула ему Анжела. – Кстати, хочешь новость?

Закачаешься!

– Может с меня уже хватит новостей? – усмехнулся Гриша, – я еще от предыдущих в себя прийти не могу.

– Одна, малюсенькая! Последняя на сегодня, обещаю! – молила Анжела.

– Ладно, – махнул рукой Заметайкин, – давай свою новость.

– Милка-то твоя, с Лехой ГТшником замутила! Представляешь!

– Опять ты за свое? – рассвирепел Гриша.

Анжела только хохотала в ответ: – Молчу, молчу!

Конец